УДК 72.033
DOI 10.24411/2219-8857-2017-00012

Л. Г. Хрушкова

ВИЗАНТИЙСКИЙ МРАМОР ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО: НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЯ*

В статье рассмотрено начало изучения мраморных архитектурных деталей, привезенных в Херсонес из византийских мастерских. Первым автором, который обратился к изучению ранневизантийских базилик Херсонеса и их мраморного декора, был А. Л. Бертье-Делагард. Он сделал важный вывод о происхождении мраморов из Проконнесса, однако предложенные им датировки не подтвердились. К сожалению, раскопки Херсонеса под руководством Археологической Комиссии велись не профессионально, поэтому сведения о том, с каким сооружением связаны капители и другие элементы, отсутствуют. Издание каталога мраморов, задуманное Д. В. Айналовым, не состоялось. Впервые описание, типологическая и хронологическая классификация мраморов Херсонеса были осуществлены А. Л. Якобсоном, спустя свыше столетия с четвертью после начала раскопок базилик Херсонеса.

Ключевые слова: археология, историография, архитектура, Херсонес Таврический, византийский мрамор.

Сведения об авторе: Хрушкова Людмила Георгиевна, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет им М. В. Ломоносова.

Контактная информация: 119192, Россия, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, исторический факультет Московского государственного университета им М. В. Ломоносова; тел.: +7 (495) 939-35-66, e-mail: khrushkoval@list.ru.

L. G. Khrushkova

BYZANTINE MARBLE OF TAURIC CHERSONESOS: BEGINNING OF THE STUDY

In the article the beginning of the study of marble architectural details brought to Tauric Chersonesos from Byzantine workshops is considered. The first author who turned to the study of the early Byzantine basilica of Tauric Chersonesos and their marble decor was Alexandr L. Bertier Delagarde. He made an important conclusion about the origin of marbles from Proconessos, but the dates he proposed were not confirmed. Unfortunately, the excavations of Tauric Chersonesos under the guidance of the Archaeological Commission (Sankt-Petersburg) was conducted not professionally, therefore there is no information on the structure with which the capitals and other elements are connected. The publication of the marble catalog conceived by Dmitry V. Ainalov did not take place. For the first time the typological and chronological classification of the marbles of Tauric Chersonesos was first realized by Anatoly L. Yakobson more than a century later and a quarter after the beginning of the excavations of the basilicas of Tauric Chersonesos.

Key words: archaeology, historiography, architecture, Tauric Chersonesos, Byzantine marble.

About the author: Khrushkova Liudmila Georgievna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University.

Contact information: 119192, Russia, Moscow, Lomonosov Prospekt, 27-4, History Department of Lomonosov Moscow State University; tel.: +7 (495) 939-35-66, e-mail: khrushkoval@list.ru.

Херсонес Таврический хорошо известен изобилием мраморных изделий из мрамора, вывезенного из константинопольских мастерских на о. Проконнес. Мраморные

* Статья поступила в номер 11 ноября 2017 г.
Принята к печати 01 декабря 2017 г.

© *МАИАСК*. Археология, история, нумизматика, сфрагистика и эпиграфика.
© Л. Г. Хрушкова, 2017.

архитектурные детали исчислялись здесь многими десятками, о них писали все — путешественники, туристы, археологи, историки искусства. Сейчас большая их часть хранится в Государственном историко-археологическом музее-заповеднике «Херсонес Таврический» (далее — ГИАМЗ «ХТ»), значительными коллекциями обладают Государственный Эрмитаж, Исторический музей в Москве, Одесский исторический музей. Коллекция Исторического музея, которая включает капители разных типов, колонны, фрагменты плит, остается почти неизвестной, изданы лишь отдельные предметы.

Как только в Херсонесе начались регулярные раскопки базилик, находки мраморных деталей стали массовыми. Более многочисленными были только фрагменты черепицы, на которую тогда не обращали внимания. И, тем не менее, история изучения херсонесского мрамора представляет собою парадокс: о нем до сих пор нет полного обобщающего исследования, некоторые материалы еще не опубликованы. На русском языке единственным очерком о мраморе до сих пор остается глава в монографии 1959 г. А. Л. Якобсона о раннесредневековом Херсонесе (Якобсон 1959). Каталог мраморов Херсонесского музея-заповедника, который издал польский археолог Анджей Бернацкий, является полезным рабочим инструментом (Biernacki 2009). Однако он не содержит стилистического анализа капителей как произведений архитектурной пластики; в нем встречаются ошибки в типологической классификации капителей, неверные, неточные или неполные сведения о месте находок тех или иных предметов; помимо этого, неполна библиография. Спорные вопросы хронологии нуждаются в обсуждении, с учетом историографической традиции и современной литературы вопроса.

Началом археологического изучения Херсонеса считаются раскопки лейтенанта К. Крузе в 1827 г. Петербургская газета «Северная пчела», столь далекая и от Херсонеса, и от археологии, 14 июля 1827 г. рассказывает своим читателям о раскопках церкви в центре агоры, где впоследствии будет построен Владимирский собор. Самые заметные находки — мрамор: «Вид строения крестообразен, на южной стороне найдено отверстие, вероятно, некогда служившее входом во внутренность оного; по бокам отверстия приметна мраморная оправа с резною работою, которая, к крайнему сожалению, вовсе изломана… При открытии наружности этих стен найдены обломки бывших мраморных колонн и мраморных досок» (Романчук 2004b: 245). В качестве меры охраны памятника адмирал Грейг предполагал «соорудить небольшую изящной архитектуры церковь, со строительством при оной богадельни для 30-человек… которые имели бы надзор как за храмом, так и за самими развалинами». Он излагает свою идею в письме от 30.03.1828 г. обер-прокурору Св. Синода П. С. Мещерскому (Романчук 2004b: 243—244). Как видим, уже тогда наметился союз военных, церкви и археологии, никто еще не предвидел будущих тяжких раздоров, никто не вспомнил предостережения поэта: «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань». Этот союз объясняется просто: специальных археологических институций в России еще не было. Русское археологическое общество создано в 1846 г., Археологическая комиссия — в 1859 г., Московское археологическое общество — в 1864 г. (Khrushkova 2011: 246—250; Khrushkova 2012e: 74—83). В Эрмитаже о ценности византийских памятников Крыма, наверное, еще не знают, да и само слово «археология» чаще всего означает изучение античных древностей.

Раскопки Крузе быстро попали в поле зрения иностранных путешественников. Тогда же, в 1827 г., англичанин Джеймс Уэбстер осмотрел раскопки церквей в центре городища. Ему, прежде всего, бросился в глаза мрамор: «Рабочие раскапывали развалины, скрывавшие древнюю молельню, но их труды не открыли ничего, кроме немногих плохих ионийских колонн с крестами, вырезанными на стволах и на капителях… Имеющиеся в раскопках

грубые столбы с крестами и другие остатки такого рода, вероятно, относятся к сравнительно недавнему времени» (Храпунов 2013: 354—356). Другой британец, Александер, посетил Херсонес в 1829 г. Он пишет, по-видимому, о тех же руинах храмов на агоре: «Затем наше внимание было приковано к основанию христианского храма; его размеры 50 футов на 30. На земле лежали стволы двух столбов белого мрамора, а рядом с ними — базы и капители тосканского ордера; на столбах был оттиснут крест. Подняв одну из капителей, офицер открыл большой пустой склеп под храмом…». «Рядом с грудами костей был другой храм, подобный первому, с разрушенными мраморными колоннами и фризами…». В третьей церкви он тоже видел мраморные детали (Храпунов 2013: 358—360). Путешественник упоминает ранневизантийские формы колон с крестами и детали тосканского ордера, который относится к рубежу эр. Трудно сказать, отражает ли это наблюдение действительное сосуществование на одном памятнике архитектурных элементов различных эпох, или тосканскими названы византийские изделия. В любом случае, это редкий, если не единственный, случай, когда наблюдатель называет конкретный архитектурный ордер.

Некоторые крымские археологи эпизодически интересуются Херсонесом, надеясь найти там сокровища, подобные находкам из богатых некрополей Керчи. В 1846—1847 гг. здесь появился известный Д. В. Карейша, член Одесского Общества истории и древностей. Не курганы ли он искал на улицах Херсонеса? «Однако, вместо ожидаемых погребений, Д. В. Карейша находил в основном строительные остатки. После двух сезонов раскопки были прекращены» (Шаманаев 2013: 417—418). Этот дух кладоискательства сохранится в Херсонесе надолго.

Важным событием в истории изучения византийской архитектуры и декорации Херсонеса стали раскопки епископской (Уваровской) базилики, которые провел граф Алексей Сергеевич Уваров (1828—1884). В это время Уварову всего 25 лет, но он успел уже многое. По окончании Санкт-Петербургского университета он пополняет свое образование в университетах Хайдельберга и Берлина, совершает археологическое путешествие в Крым и Южную Россию, издает первую часть «Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря» (издана также и во французском переводе), организует экспедицию во Владимирскую губернию по изучению курганов (Уваров 1851a; Уваров 1851b; Khrushkova 2012g: 1263—1264). В Херсонес он прибывает в начале осени 1853 г., и очень кстати: некий лейтенант Шемякин, любитель археологии, которых в Крыму слишком много, уже успел провести кое-какие работы на епископской базилике. Уваров раскопал главные части базилики, открыл напольные мозаики и различные архитектурные элементы. Однако этот первый удачный сезон оказался и последним, значительная часть памятника осталась не раскопанной. Уваров объяснил прекращение работ выпавшим в октябре снегом, но истинной была другая причина. Началась Крымская война, и древний город стал зоной военных действий. Молодой археолог поступил весьма осмотрительно: он организовал транспортировку в Петербург, в Эрмитаж, таких ценных и громоздких материалов, как мозаичные вымостки и мраморные капители. Капители положили начало формированию эрмитажной коллекции мраморов Херсонеса, а мозаичный пол, украшающий пол зала «Афина», и сейчас остается самой обширной и лучше сохранившейся из всех мозаик, когда-либо найденных в Херсонесе.

В 1872 г. с мрамором Херсонеса познакомилась и Москва. На Политехнической выставке был организован специальный Севастопольский отдел. Здесь были представлены и византийские мраморные изделия из Херсонеса, которые прислал настоятель Херсонесского монастыря архимандрит Евгений. Специально к выставке известный историк церкви и литургист Иван Данилович Мансветов (1843—1885) издал брошюру, посвященную

Херсонесу и его памятникам. Фактически это был первый путеводитель по христианскому Херсонесу, основанный на данных письменных и вещественных источников (Мансветов 1872). К сожалению, неизвестно, какие мраморные предметы были привезены из Херсонеса, каких типов были капители, неизвестно, куда они делись по окончании выставки. Но в Херсонес они не вернулись. Может быть, их передали в Исторический музей?

К 70-м годам XIX в. с мраморами Херсонеса уже была знакома и ученая, и обычная публика обеих столиц. Однако постоянные раскопки в Херсонесе еще не ведутся. Вскоре на сцене Херсонеса появляется неправительственная организация — Одесское общество истории и древностей. Начало его работ тоже связано с мрамором. В 1875 г. министр народного просвещения граф И. И. Толстой посетил Херсонес. «Он заметил около строящегося храма св. Владимира в большом числе лежавшие остатки византийского зодчества, и, чтобы они не исчезли без следа, предложил Одесскому обществу принять в свое ведение эту местность» (Романчук 2004а: 251). Почему министр не обратился в Археологическую Комиссию, главное археологическое учреждение страны? Возможно, просто потому, что Одесса ближе к Крыму, чем Петербург. Этот географический фактор всегда играл большую роль в изучении Херсонеса, — Петербург был далеко.

В России идеи создания археологического научного центра на месте раскопок тогда не существовало. Не появилась она и позже, когда Херсонес был передан в ведение Археологической Комиссии. Но именно таким путем, казалось бы, само собой разумеющимся, шла археология в Европе. Постоянно действующие археологические центры создавались там, где находились объекты изучения, обычно вдали от университетов и музеев. Эти учреждения назывались по-разному: археологические станции, миссии, школы. В Риме уже в 1828 г. был организован немецкий «Институт археологической корреспонденции», впоследствии Немецкий археологический институт. У всех этих институций была одна цель: приблизить ученых к памятникам, изучать не отдельные предметы, вывезенные в музейные хранилища, а весь исторический комплекс, будь то город или регион. Конечно, сотрудничество с местными краеведами, любителями, собирателями составляло необходимую часть работы научных центров. Но нигде любители не подменяли собою археологов-специалистов, как это, к сожалению, произошло в Херсонесе и, более того, практиковалось на протяжении многих лет как привычная норма, а не как досадная случайность.

В течение 10 лет, с 1876 по 1886 г., Одесское общество вело раскопки в Херсонесе совместно с монастырем Св. Владимира. Монастырь расположен на территории городища, поэтому при любых хозяйственных земляных работах монахи вынужденно вступали в область археологии. Для руководства раскопками Одесское общество создало комитет во главе с вице-президентом Общества Н. Н. Мурзакевичем, в него входили военный инженер полковник К. Е. Геммельман, нумизмат П. О. Бурчаков, и настоятель монастыря игумен Анфим (Казимиров). Чаще всего в Херсонесе бывал Геммельман, земляные работы велись в основном силами братии. Мурзакевич руководил на расстоянии, преимущественно с помощью инструкций (1878, 1879 и 1881 гг.). Предписывалось «…фундаменты, найденные в оных мраморы, монеты, вещи обозначать “на плане земли монастырской”, по кварталам, помеченным номерами и внося в дневник». Указывалось «иметь наблюдение, чтобы при раскрытии фундаментов рабочие люди обращались с осторожностью: не ломали мраморных плит, не бросали мраморов, но с осторожностью оставляли капители, колонны базисы на прежних местах; могильные склепы осматривали не ломая стен и покрышек». Следовало «вскрывать землю не прежде, как хорошо осмотрев, нет ли кусков мрамора, надписей, сосудов и вещей, такие осторожно откапывать и вынув относить в указанное место».

Помимо инструкций, Мурзакевич посылал приватные наставления монахам: «найденные при раскопках херсонесских предметы вносить в особую книгу, что и где отыскано такого-то месяца и числа … Мраморные куски, плиты с надписями, узорами, или чем другим, записав место находки, свозить к дому настоятельскому» (Шаманаев 2004: 301). Дистанционное руководство раскопками оказалось мало успешным. Составление инвентарных описей находок («особых книг») на многие десятилетия останется болезненной проблемой Херсонеса. О большинстве предметов, в том числе мраморов, мы и сейчас не знаем, «что и где отыскано такого-то месяца и числа».

Истинным бедствием Херсонеса были кражи находок рабочими, а также расхищение тесаного камня и мрамора из раскопок. Камень из древних построек широко использовался для строительства Севастополя (Шаманаев 2013: 418—419). Например, в 1879 г. на берегу Карантинной бухты нашли разбитые колонны. Мурзакевич, будучи в Одессе, сразу догадывается, в чем дело, и разъясняет настоятелю монастыря: «Предполагается, что разбитие колонн производится намеренно для увоза в Севастополь». Он дает полезные советы о. Маркиану, наблюдавшему за раскопками: «Рабочим, при начале раскопок по молитве внушить, чтобы они находимые монеты, вещи, куски мрамора с надписями и без оных отнюдь никому не продавали». Одновременно рекомендовалось платить рабочим за находки, а нарушителей привлекать к ответственности как за кражу монастырского имущества. Перекупщикам же было воспрещено даже «приближение к раскопкам». Для поддержания порядка на городище был назначен полицейский урядник. Архитектурные детали рекомендовалось «складировать так, чтобы они могли пополняться недостающими частями. То же самое сделать с капителями, колоннами и проч.». Уже предприняты некоторые меры по музеефикации мраморов, и Мурзакевич опять дает советы: «исправить расставленные на аллее колонны и на них капители переложить так, чтобы капители не лежали вверх ногами». Для мозаик же была выстроена «ограда с запирающейся дверью».

Очевидно, что репертуар мер и способов охраны памятников и улучшения качества раскопок был весьма разнообразным, включая силы полицейские и силы небесные, призываемые на раскоп молитвами. Не испробовали лишь одно средство: участие археолога в раскопках. Поэтому одни и те же проблемы неизбежно возникали вновь и вновь. В июле 1881 г. Мурзакевич еще раз инструктирует монахов: «Помещенному в Монастыре полицейскому уряднику часто внушать, чтобы он посещающим археологические раскопки не позволял делать какие-либо повреждения открытых предметов, писать всякий вздор на мраморах; не исполняющих сего передавать мировому судье» (Шаманаев 2004: 302—305). Впрочем, надписи на мраморах были наименьшим злом. На протяжении многих лет «капители колонн, базы, карнизы, стенки иконостасов, разбиваемые в куски, увозились в Севастополь на домашние надобности, или развозились любителями древностей». Одесское общество выдвинуло идею построить из древних деталей здание «в виде древней христианской баптистерии» или вставить их в стены проектируемого Христианского музея. Этот музей должен был составить параллель музею Одесского общества. В Одессу предполагалось передавать античные находки, которые ценились более высоко, а средневековые предметы, и в их числе византийские мраморы, оставлять на месте. Того же мнения был и Синод. Но правительственного финансирования не существовало, а добровольных пожертвований, как и всегда в таких случаях, было очень недостаточно (Шаманаев 2012: 217—219).

Прошли многие десятилетия, а новое здание музея Херсонеса все еще не построено. И если монастырь вел раскопки весьма неумело, то он уже немало послужил науке иным: тем просторным капитальным зданием, в котором музей размещается до сих пор. И, главное:

разве монастыри создаются для занятий археологией? Ведь существовала же Археологическая Комиссия, членами которой были лучшие ученые России. Но она поразительно долго не обращала внимания на Херсонес.

Одесское общество сосредоточило свое внимание на древнейшей части города — северо-восточной. В 1876—1886 гг. были проведены работы на Уваровском комплексе, базилике Крузе, раскопаны Восточная базилика (впоследствии № 36), т.н. «пещерный храм на главной улице», средневековая церковь на северном берегу (№ 34) с вымосткой *opus sectile.* Работы Одесского общества не отличались большой тщательностью. Например, когда Дмитрий Власьевич Айналов (1862—1939) (Khrushkova 2012c: 53—54) в 1890 г. осматривал городище, он нашел две мраморные плиты с греческими надписями в жилых помещениях, ранее раскопанных Обществом (Отчет 1893: 38). Несомненной удачей Одесского общества было открытие епископского баптистерия. Полковник Геммельман хорошо рисовал. В научном архиве Херсонесского музея-заповедника хранятся три листа рисунков архитектурных деталей, на которых изображены 33 капители, колонны и базы[1]. Все три листа носят одинаковое название: «По древнему Херсонису. Рисунки капителей, открытых при раскопках, произведенных в 1876, 1877 и 1978 годах». На первом листе изображены ионические капители с импостом, на втором – в основном коринфские капители, на третьем — колонны и базы (рис. 1, 2, 3).

На третьем листе, с изображением колонн, есть подпись полковника Геммельмана, два другие не подписаны. По сведениям, которые мне сообщила Ирина Владимировна Тункина, рисунки капителей выполнил кондуктор Прудентов, имя которого остается нам неизвестным. Каждая капитель представлена в двух видах: фасад и вид снизу, в «опрокинутом» виде, как отмечает автор. Эти чертежи дают представление о типах капителей; некоторые из них можно идентифицировать с теми экземплярами, которые хранятся в музее сейчас. Очень маловероятно, чтобы все эти элементы были «открыты при раскопках». Тридцать три капители — это слишком много для тех базилик, которые раскопало Общество за эти годы, даже если бы на каждой из них сохранились все капители, что невероятно. На листе № 2, у рисунка капители № 25, с протомами баранов в верхней части, есть пометка: «найдена в монастырском саду». К сожалению, это единственное указание на место находки. На том же листе видим капитель № 28, с пометкой: «из инкерманского камня». Она отличается от стандартных ранневизантийских капителей не только материалом, но бóльшими размерами и структурой: здесь намечен третий ряд аканфа, верхнюю часть капители занимают крупные хеликсы. Этот экземпляр, скорее всего, римской эпохи.

Среди находок 70-х годов 19 в. имеется мраморная плита балюстрады с греческой вотивной надписью («в моление за Мартирия и всех его родных»), которую опубликовал В. В. Латышев. По предположению А. Бернацкого, она происходит из Уваровской базилики, поскольку в эти годы Одесское общество вело раскопки на этом памятнике (Biernacki 2009: 59, 113). Е. А. Кленина повторяет это предположение уже с полной уверенностью, создавая у читателя обманчивое впечатление, что плита действительно была найдена на Уваровской базилике (Хрушкова 2016b: 361; Khrushkova 2017a: 70). Однако архивные рисунки ясно говорят о том, что мраморы, выявленные в 1876—1878 гг., собраны из разных мест городища.

[1] Пользуюсь случаем выразить благодарность заведующей Научным архивом ГИАМЗ «ХТ» Татьяне Александровне Прохоровой за содействие в работе.

Годы шли, а в Одессе изучением мраморов Херсонеса не занимались. Против обыкновения, археологи увезли в Одессу две капители из раскопок 1876 г. епископского комплекса (рис. 4). Видимо, капители понравились им своей необычностью: они украшены двумя типа аканфа, тонким зубчатым и широколистным. В Одессе никто не обратил на них внимания, их опубликует Н. В. Измайлова лишь спустя полвека (Хрушкова 1917a). Всего с 1844 по 1913 г. в «Записках» Одесского общества было опубликовано около 20 заметок и рецензий о Херсонесе (Шаманаев 2013: 424). Столь ничтожное количество публикаций почти за 70 лет говорит о том, что Одесское общество очень мало интересовалось Херсонесом, а в особенности — Херсонесом византийским.

И сами члены Одесского общества видели, что их работа в Херсонесе мало успешна. Один из них пишет Мурзакевичу 14 апреля 1879 г.: «Грустные мысли навеяли на меня эти раскопки… Разбитые и разбросанные колонны, карнизы, капители, разрытые могилы, вывороченные камни и плиты, битые черепки, кучи мусора, зияющие цистерны» (Романчук 2004a: 249—250). К сожалению, за четверть века ничего не изменилась, ту же картину описал, и даже едва ли не в тех же выражениях, Егор Кузьмич Редин (1863—1908) (Khrushkova 2012d: 1061—1062). По приглашению П. С. Уваровой он работал в Херсонесе вместе со своим другом Д. В. Айналовым в течение летних месяцев 1903 и 1904 г. В письме своему другу Н. Ф. Сумцову от 26 июня 1903 г. он пишет: «печальная книга Русская Помпея». В следующем году то же самое: «… Начали занятия в Музее. Здесь под крышей чувствуется легче. Но эта громада мрамора, перетащенного сюда без всякого порядка из базилик, часовен, подавляет тебя. Ты не можешь в ней ориентироваться, т.к. всякие следы о происхождении их из той или иной церкви утеряны» (Иодко 2004: 337—338, прим. 135).

Но было и другое мнение. Глава Археологической Комиссии, граф Алексей Александрович Бобринский (1852—1927), весьма высоко ценил свою работу, называя время своего руководства раскопками Херсонеса «блестящей эрой». К сожалению, Археологическая Комиссия начала раскопки в Херсонесе в 1888 г. без всякой подготовки, очень поспешно, и единственно потому, что она стремилась любой ценой опередить Московское археологическое общество. Однако за все время своей деятельности она не смогла добиться главного: создать экспедицию, состоящую из профессиональных археологов и архитекторов (Khrushkova 2012a: 202—248; Хрушкова 2016a: 9—46; Хрушкова 2016b: 327—331; Khrushkova 2017b: 856—872). И. И. Толстой в частном письме дал краткие и выразительные характеристики председателю и членам Археологической комиссии: «Тизенгаузен — больно боязлив, Бобринский — легкомыслен, Кондаков — нервен» (Романчук 2004a: 256). Для Бобринского эта характеристика была оправданной. Действительно, отношение к организации работ в Херсонесе было весьма и весьма легким. Поначалу Бобринский планировал привлечь к раскопкам Н. П. Кондакова (1844—1925) (Khrushkova 2012f: 751—754), в качестве руководителя, и А. Л. Бертье-Делагарда (1842—1920) (Охотников 2010: 54—58; Khrushkova 2012a: 168—169; Khrushkova 2012e: 232—240). В тот момент оба были жителями Одессы, очевидно, что и при Бобринском планировалось продолжать привычное «одесское направление», которое, впрочем, уже показало свою несостоятельность. Никаких новых идей не было. А между тем в это время у обоих кандидатов на руководство раскопками изменилась ситуация. В 1888 г. Кондаков получил пост профессора в Петербургском университет и переехал туда. Бертье-Делагард в 1887 г. вышел в отставку, стал жителем Ялты, где продолжал заниматься своей основной работой — строительством. Раскопки в Херсонесе он не вел никогда, хотя с 1894 г. был членом-корреспондентом Археологической Комиссии. Кондаков, в течение двух лет, в 1888 и в1889 г. числился руководителем раскопок, но практически ими не занимался. У него было много

других дел. В августе 1889 г. он осуществил специальную миссию в Западную Грузию — необходимо было составить опись богатейших ризниц нескольких монастырей этого региона, сокровища которых, в том числе драгоценные эмали на золоте, расхищались. Опись, настоящая «охранная грамота», была издана уже в следующем году. Кроме того, Кондаков готовил к изданию 4-ый выпуск издания «Русские древности в памятниках искусства», который вышел в 1891 г. В Херсонесе Кондаков ближайшими задачами считал приведение в порядок мест прежних раскопок и описание всех мраморов (Романчук 2004b: 254—255). Ни то, ни другое не было исполнено.

Работу над мраморами Кондаков поручил своему ученику Д. В. Айналову. Тот, внимательно осмотрев Херсонес в 1890 г. и убедившись, что раскопки ведутся бессистемно, составил обширную программу планомерного и масштабного изучения города. Вполне возможно, что в разработке этой программы принимал участие Кондаков, однако он не подал ее от своего имени, это означало бы прямой конфликт с Бобринским, а тогда Кондаков был еще членом Комиссии. Археологическая Комиссия, разумеется, не обратила ни малейшего внимания на мнение начинающего ученого, всего лишь кандидата Айналова. Будущий выдающийся византинист тогда представлял собою незначительную величину в ученой иерархии. В 1891 г. Кондаков вышел из Археологической Комиссии. Среди его публикаций нет ни одной, посвященной раскопкам в Херсонесе. Тем не менее, отсутствие археологов на раскопках Херсонеса никогда не смущало Бобринского, он не предпринял никаких усилий для решения самой главной проблемы: подбора специалистов для изучения Херсонеса. С чрезвычайной легкостью он поручил исследование огромного, сложнейшего, многослойного памятника К. К. Косцюшко-Валюжиничу, служащему банка, который до этого работал кассиром, счетоводом, заведующим складом (Антонова 1999/2000: 31). По воле Бобринского скромный краевед вдруг стал «заведывающим раскопками», не имея ни образования, ни малейших навыков ведения археологических работ, да, видимо, и не помышляя о столь ответственной роли.

Важный вопрос — фото-фиксация раскопок. Здесь тоже не все было благополучно. Изучение коллекции негативов Музея-заповедника «Херсонес Таврический» показало, что от первых лет раскопок, 1889—1890 гг., сохранились фотографии (без негативов), которые были выполнены приглашенными севастопольскими фотографами. Первые негативы относятся к 1898—1899 гг. (Колесникова 1963: 86—88). Таким образом, в Херсонесе на протяжении почти 10 лет раскопок не было собственного фотографа, который осуществлял бы постоянную фото-фиксацию раскопок. Видимо, Археологическая Комиссия не обращала на это внимания.

Айналов в Херсонесе увидел главное: отсутствие программы раскопок. Косцюшко-Валюжинич печатно возражал Айналову, утверждая, что план работ у него был, при этом ссылаясь на авторитет Кондакова. Но посмотрим, как велись раскопки, например, в 1890 году. В том сезоне Косцюшко-Валюжинич работал одновременно на шести участках, причудливо разбросанных по всему городищу, и, сверх того, еще и в Казачьей бухте. Это самые разнородные памятники: базилики, часовни, некрополь, оборонительные стены, от эпохи Страбона до зрелого средневековья. Изучается не менее шести архитектурных объектов, но чертежи отсутствуют, вести обмерные работы некому. Какой системе, какой логике подчинялся выбор именно этих объектов? Раскопки какого объекта доведены до конца? Какая создана документация? Нет ответов.

В опубликованном отчете за 1890 г. не раз упоминаются мраморы, но нет ни одной фотографии. Описана только одна плита «с изображением павлина и птицы, клюющей виноград», поэтому ее можно идентифицировать. Сейчас она находится в экспозиции

Херсонесского музея-заповедника (рис. 5). Другие находки лишь упомянуты. В комплексе, который сейчас именуется «базилика в базилике», выявлено, что в фундаменты более позднего храма были заложены «мраморные колонны и капители, оставшиеся после разрушения большого храма». Фотографий нет. «В этой же местности» были найдены «мраморная колонна, прекрасно сохранившаяся, две мраморные базы, обломок мраморной плиты, по середине которой в двойном круге находится крест, составленный из шести розеток». Фотографий нет. В храме «на холме вблизи западной городской стены» открыты остатки большого храма «с шестью уцелевшими на своих местах базами, на которых были укреплены колонны, и с несколькими плитами мраморного бордюра в алтаре; прочие, найденные тут, остатки колонн, капителей и плит, были в кусках». Фотографий нет. При разведке островка в Казачьей бухте тоже были найдены фрагменты мрамора, среди них «кусок мраморной плиты с крестами по сторонам». И вновь — никакой документации (Отчет 1893: 30—40).

После Отчета 1890 г. подобных отчетов было еще много. Несогласие с такими методами раскопок Херсонеса, — не эта ли причина побудила Кондакова оставить Херсонес? Очевидно, что никакая критика раскопок была невозможна, потому что это означало бы критику самого графа Бобринского, а он, по странному заблуждению, считал результаты работ в Херсонесе великолепными. Бобринский пользовался неограниченной поддержкой высочайшей власти. Русские цари, августейшие паломники Александр III и Николай II, неоднократно посещали Херсонес, и Косцюшко-Валюжинич мог гордиться личным знакомством с ними. Оценка, которую некоторые современные археологи дают работе Археологической Комиссии в Херсонесе, на удивление близка к лестным самооценкам Бобринского: «общая система исследований, охраны и публикации материалов раскопок были организованы грамотно и профессионально не только благодаря постоянному и стабильному финансированию, но и огромной, напряженной и систематической работе Археологической Комиссии в Херсонесе» (Стоянов 2009: 555). В результате этой «огромной работы» хранилища Херсонесского музея наполнены огромной массой предметов, найденных неизвестно где и когда. Это в полной мере касается и мраморов.

Упомянем еще один Отчет Косцюшко-Валюжинича, за 1905 г. В нем капители и другие мраморные детали описаны, но типы капителей нигде не названы. «В юго-восточном углу черного двора, за монастырской конюшней», были зарыты на незначительной глубине, «несомненно в позднее время», «многочисленные мраморные части храма», возможно, от базилики, раскопанной Крузе и доследованной Археологической Комиссией в 1889 году. Внутри базилики в колодце были сложены «разновидные обломки мраморов»: «капитель малая, снизу квадратная, сверху в виде удлиненного прямоугольника, украшенная с одной стороны выпуклым крестом грубой формы. Кусков: колонн круглых гладких больших 32, средних 12, малых 34, тонких 2, каннелированных 2, капителей резных 7, баз простейшей формы 8; карнизов гладких больших 8; карнизиков старательного исполнения, подобных найденным при доследовании баптистерия, 10; резной решетки 5; плит иконостасных орнаментированных 40; плит половых, полированных с одной стороны: больших кусков 36, средних 159, малых 98, плит тонких 32». «Всего кусков разной формы и величины, кроме цельной капители, 609» (Косцюшко-Валюжинич 1907: 141). Документация отсутствует полностью.

В Отчете за 1905 г. имеется раздел «строительные части храмов и зданий», найденных на участке у Карантинной бухты. Вот некоторые описания: «Капитель мраморная превосходной сохранности, впервые встречаемого вида, сверху квадратная (0,6 × 0,6 м), снизу у колонны в виде прямоугольника (0,38 × 0,31 м), украшенного по сторонам завитками, являющимися

подражанием завиткам ионического ордера. Диаметр круглой выемки для установки на колонну 0,28 м. Квадратный верх исполнен карнизообразно, а лицевая сторона капители обозначена красивым выпуклым крестом с расширенными концами» (Косцюшко-Валюжинич 1907: 155). Фотографии нет, но описание позволяет определить капитель как ионическую импостную с гладким абаком, на узкой лицевой стороне украшенной византийским, т. наз. «длинным» крестом. Неясно, почему сказано, что эта капитель «впервые встречаемого вида», поскольку это тип — самый массовый в Херсонесе. К 1905 г. таких капителей уже было найдено немало, об этом свидетельствует приведенный выше рисунок Прудентова.

В 1905 г. на том же участке была найдена еще одна капитель: «мраморная малая, снизу круглая, сверху в виде узкого удлиненного прямоугольника, украшенная двумя выпуклыми крестами» (Косцюшко-Валюжинич 1907: 155). Фотографии нет. Возможно, это импост, украшенный крестами на узких, лицевой и оборотной, сторонах. Еще одна капитель, «тоже из сероватого мрамора, большая, высокая, в виде усеченного конуса, 0,66 м диаметр сверху, 0,44 м диаметр снизу и 0,4 м вышиной, украшенная двумя выпуклыми сильно поврежденными крестами с разветвлениями и двумя розетками сверху» (Косцюшко-Валюжинич 1907: 155). Можно допустить, что это тоже импостная капитель, украшенная по двум сторонам процветшими крестами. Там же были найдены «четыре базы мраморные большие, снизу квадратные, сверху круглые, обычной простейшей формы, два обломка мраморных орнаментированных плит, два куска от гладких мраморных карнизов, пять обломков от мраморных частей неизвестного назначения» (Косцюшко-Валюжинич 1907: 155). И вновь: ни фотографий, ни рисунков.

Михаил Иванович Ростовцев (1870—1952), изучая в Херсонесе склепы с росписями, точно определил особенности местной археологии: «Несмотря на ряд правильных теоретических указаний из Петербурга…», на местах работа шла бессистемно, не специалистами и часто под влиянием психологии кладоискательства — больше найти красивых вещей для отсылки в Петербург. К самим же сооружениям, в которых находили вещи, «и на местах, и в Петербурге относились холодно и равнодушно» (Ростовцев 1913: 3).

Из многих десятков мраморных изделий, выявленных в сезоне 1905 г., в Отчете опубликован единственный фотодокумент, это фотография хорошо известной скульптуры льва. Очевидно, что руководитель раскопок отдавал решительное предпочтение языческой античности, на византийские же памятники смотрел «холодно и равнодушно». Исполнительный и неутомимый Мартин Иванович Скубетов одновременно исполнял несколько ролей — топографа, обмерщика, чертежника, художника. Так, в сезоне 1905 г. он выполнил несколько обмерных планов, которые, к счастью, приложены к Отчету. Он работал один, зарисовывать архитектурные детали, конечно, не успевал, да кто же и ставил ему такую задачу? Но отсутствие фотографий необъяснимо, а именно они помогли бы идентифицировать массу беспаспортных материалов, которые извлекались из земли во множестве и очень быстро. Кажется, скорость раскопок была главной заботой археологов. И такие отчеты Археологическая комиссия принимала на протяжении ряда лет, и ничего не менялось.

Часть мраморов Косцюшко-Валюжинич передавал в Эрмитаж и в Исторический музей. Принцип отбора этих предметов неясен. Возможно, самые лучшие? Пожалуй, это можно отнести к эрмитажным материалам. Но коллекция Исторического музея состоит из материалов самых «разновидных». Капители высокого художественного уровня (рис. 6) соседствуют с образцами самыми заурядными; есть фрагменты плит, каких в Херсонесе

множество, но есть и целые массивные бифоры[2]. На раскопках Косцюшко-Валюжинич очень мало обращал внимания на мраморы, зато они послужили эффектным оформлением длинного неказистого здания «Склада местных древностей», похожего на сарай. Поставленные одна на другую, капители стали обрамлением входа в «Склад», на фоне которого заведующий раскопками охотно фотографировался (рис. 7, 8). Мраморы располагались рядом со Складом в виде живописных групп. Нашлось им место и внутри, где римские и византийские детали декора создавали причудливые композиции (рис. 9). Сохранилась целая серия снимков Склада снаружи и изнутри, на некоторых можно заметить капители, ныне утраченные. Например, на одной фотографии интерьера Склада, в дальнем правом углу, на колонне стоит композитная капитель с двумя рядами тонкого зубчатого аканфа (т.н. «феодосианская») (рис. 10), очень похожая на те, которые значительно позже, в 1935 г., были открыты раскопками базилики на северном берегу городища (Хрушкова 2017b: 41—70). Видимо, капителей этого редкого в Херсонесе типа было больше, чем нам известно сейчас (Хрушкова 2011: 174—191; Khrushkova 2012b: 129—140).

Первым опытом аналитического рассмотрения архитектуры и пластического декора Херсонеса стала обширная (свыше 60 страниц) статья А. Л. Бертье-Делагарда, опубликованная в 1893 г. (рис. 11). Он закончил ее в 1891 г., опираясь на материалы раскопок Археологической Комиссии за три года: 1888, 1889 и 1890 гг. (Бертье-Делагард 1893:18—21). Хотя Бертье-Делагард не вел ни раскопок, ни обмеров, но он хорошо знал городище, наблюдал раскопки Косцюшко-Валюжинича и консультировал его по вопросам оборонительной системы древнего города. В исследовании Бертье-Делагард есть верные и тонкие наблюдения, обнаруживающие осведомленность, проницательность и интуицию. Однако есть и утверждения, которые не соответствуют ни хорошо известным фактам, ни уровню науки его времени.

Прежде всего, Бертье-Делагард верно оценил «редкое, почти исключительное значение раскопок в Херсонесе» для изучения византийского города. Он справедливо считал, что нужно «сделать самые полные, самые систематические раскопки в Херсонесе обязательными для нас» (Бертье-Делагард 1893: 16—17). К тому времени, когда писалась эта работа, было раскопано уже 27 церквей и часовен, обнаружено множество мраморных деталей, а «в этих мраморах заключается наибольший интерес раскопок». Далее он отмечает отличие византийского аканфа от римского: «очень мелкий, плоский, расплывчатый рельеф», говорит о назначении импоста, называя его давно вышедшим из употребления и сейчас едва ли понятным словом «надставка» (Бертье-Делагард 1893: 23—24). Бертье-Делагард первым определил происхождение мраморов Херсонеса из проконнесских мастерских близ Константинополя. Очень важно было то, что он много путешествовал, он осмотрел памятники Равенны, Константинополя, Афин, Салоник, Венеции. Даже на акрополе Афин он увидел «с немалым изумлением» ранневизантийские капители (Бертье-Делагард 1893: 30, прим. 1). На одну капитель с Афинского акрополя позже обратил внимание Н. П. Кондаков. Эту коринфскую «лирную» (термин Рудольфа Кауча) капитель он датировал в очень широких пределах V—VII вв. (Кондаков 1904: рис.1). Ранневизантийские капители на акрополе, в том числе коринфскую «лирную», можно видеть и в наши дни (рис. 12). Бертье-Делагард отмечает, что «заделка под верхними окнами Софии в Константинополе такая же, как на плитах Херсонеса — с параллелограммом». Словом «заделка» названа облицовка стен под окнами в интерьере галерей Св. Софии. Многие исследователи советской эпохи о подобных путешествиях не могли и мечтать. Бертье-Делагард правильно заметил, что

[2] Пользуюсь случаем выразить признательность Денису Валерьевичу Журавлеву, благодаря которому я ознакомилась с коллекцией херсонесских мраморов Исторического музея.

мнение об исчезновении базилики на востоке уже в VIII в. неосновательно, в действительности базилики строились дольше (Бертье-Делагард 1893: 35). Сейчас это можно подтвердить примерами не только из Крыма, но Кавказа, Балкан и других регионов.

Однако Бертье-Делагард нигде не дает подробного описания капителей и не называет их типов. Иллюстраций в его статье немного: на табл. IV: *1* видим фотографию нескольких архитектурных деталей, среди них три капители: одна двузонная, с протомами баранов вверху и тонким зубчатым аканфом внизу. Чертежи отдельных элементов представлены на таблицах II и III.

В работе Бертье-Делагарда о Херсонесе встречаются утверждения, с которыми никак нельзя согласиться. Так, он называет Рим, наряду с Херсонесом, «малограмотным местом», по этой причине там «держались апсид круглых» (Бертье-Делагард 1893: 40). Это мнение даже трудно понять. Например, хорошо известная базилика Максенция (Константина), один из самых выдающихся памятников поздней античности (рис. 13, 14), имеет полукруглую апсиду. В отличие от Константинополя, в Риме действительно преобладала полуциркульная апсида, но это вовсе не признак «малограмотности», а свидетельство сохранения традиции римской языческой архитектуры.

Бертье-Делагард полностью отрицал всякую ценность мрамора: материальную, конструктивную, декоративную, художественную. Бертье-Делагард считал, что базилики Херсонеса и их декорация — свидетельство «материальной и умственной нищеты», царившей там. Мрамор и мозаики, — все это было «малых размеров, с весьма слабым художественным значением и к тому же вытащенное из других более древних построек» (Бертье-Делагард 1893: 12—13). Мрамор не заключал в себе ничего самобытного, это был заурядный материал, «шаблонно приготовляемый Византиею на весь христианский мир» (Бертье-Делагард 1893: 48), что «доводило его цену до совершенной ничтожности» (Бертье-Делагард 1893: 29). «О дешевизне в Херсонесе этого мнимо роскошного материала мы имеем прямые свидетельства». Куски «грубоватого и шаблонного мрамора» изобличают архитектурное невежество и безграмотность (Бертье-Делагард 1893: 11, прим. 1). Вряд ли сыщется другой такой случай, когда исследователь столь пренебрежительно отзывался бы о важности изучаемого им материала. Правда, он сделал исключение для капителей из Уваровского комплекса и, что удивительно, даже посетовал на то, что их увезли в Одессу: «Особенно жаль капителей, среди которых были такие, подобных которым более не находили (Бертье-Делагард 1893: 16, прим. 1).

В действительности же мрамор высоко ценили во все эпохи. Им украшали самые важные сооружения, в том числе дворцы и епископские церкви, он был самым явным показателем значимости и престижа здания. Само слово «мармара» (греч. «блестящий») означало блеск, и не только в прямом смысле слова. Мраморные детали перевозили на большие расстояния, его продавали, дарили, похищали, захватывали в качестве военного трофея, его использовали многократно и как части древних святынь, и как ценный материал. Приведу только два факта. Крестоносцы, участники IV Крестового похода 1204 г., вывезли в Венецию сотни элементов мраморного декора из константинопольских церквей. Многие из них послужили украшением великолепного Сан Марко. Например, одна плита от лестницы амвона VI в. нашла свое место в интерьере, вблизи алтарной зоны, уже не в своем первоначальном положении (рис. 15**)**. Далеко от Италии, в Юго-Западном Закавказье, в конце 14 в. владетельный князь Мегрелии Вамек Дадиани привез в свою резиденцию из победоносного похода в Джикетию десятки мраморных деталей VI в. О своих трофеях он сообщил в победной надписи. Он укрепил плиту с этим сообщением на фасаде часовни, которую

построил из трофейных мраморов, что и обеспечило их сохранность на века (Khroushkova 2006: pl. 102—105) (рис. 16).

Можно привести множество примеров того, что мраморные детали от древних церквей бережно хранили. Так, обычай использования капителей в качестве крещальных купелей или водосвятных чаш был распространен повсюду, в том числе и в Крыму (Хрушкова 2016с: 144). Изделия проконнесских мастерских высоко ценились и там, где было много своего мрамора. Бертье-Делагард был удивлен, увидев проконнесские капители на Афинском акрополе. Но константинопольские изделия в немалых количествах привозили и в Рим, хотя в Италии тоже было много своего мрамора. Из римских церквей особенно выделяется Сан Клементе, которую украшает большой ансамбль проконнесского мрамора (рис. 17**)**.

Бертье-Делагард отметил близкое сходство мраморов Херсонеса и Равенны, обусловленное их общим происхождением. Однако он предложил неверные датировки. Так, капители православного (Неонианского) баптистерия в Равенне, по его мнению, «не ранее VII в., они заменили первоначальные неизвестно когда». Поэтому и мраморы Херсонеса «относятся к VI или, что вернее, к VII веку» (Бертье Делагард 1893: 28, 31, прим. 2). Мнение ошибочное, потому что равеннский баптистерий и его декор, включая капители, был создан в 425—430 гг. Уваровскую базилику «в том виде, как дошла», Бертье-Делагард тоже датировал слишком поздним временем, — серединой X века (Бертье-Делагард 1893: 54); правда, позже он от этого мнения отказался.

Бертье-Делагард датировал мрамор Херсонеса поздним временем, как бы не веря собственным глазам, — ведь многие памятники, которые он посетил в разных городах и странах, относятся к V—VI вв., и он сам первым отметил тождество их мраморов с херсонесскими. Очень вероятно, что в вопросе о датах мраморов на него повлияло мнение Н. П. Кондакова, который в 1891 г. издал, в соавторстве с И. И. Толстым, 4-ый выпуск серии «Русские Древности», посвященный Крыму, Кавказу и Киеву. По мнению Кондакова, в Херсонесе наличие капителей, «может быть, даже и IV—V вв.», ничего не доказывает, потому что самый активный строительный период и «наиболее блестящее время Херсонеса приходится на VII—IX столетие»; лишь немногие, самые крупные церкви, были построены в VI в. Бóльшую часть херсонесских капителей, которые привел Кондаков, он отнес к VI—VII вв. В этой работе Кондакова встречаем определение импостной капители как капители «в форме простого куба» (Толстой, Кондаков 1891: 15—23, рис. 11—17), которое будет повторяться в позднейших работах («кубовая капитель»). Вот эти поздние даты базилик Херсонеса, а также мрамора, которые предложил Кондаков, и были восприняты Бертье-Делагардом. Конечно, эти даты были лишь предположением Кондакова, потому что памятники тогда еще не были изучены. В том же томе «Русских Древностей» Кондаков высказывает мысль о том, что христианское искусство Грузии и Армении появилось не ранее VII в. (Толстой, Кондаков 1891: 36). Мнение ошибочное, сейчас это очевидно, однако таким было состояние исследования памятников Крыма и Кавказа в ту эпоху.

Мнения Бертье-Делагарда об архитектуре и о мраморе Херсонеса оказались на удивление устойчивыми, они нередко с большим доверием повторяются и современными авторами. Приведем только один подобный случай. В ныне исчезнувшей трехапсидной церкви, которая располагалась близ Уваровской базилики, у самой береговой линии, были открыты «остатки прекрасного пола, чистый опус тесселлатум X—XI в.» (Бертье-Делагард 1893: 41). Здесь Бертье-Делагард явно перепутал *opus tessellatum* и *opus sectile,* потому что именно эта последняя техника применена в исчезнувшей церкви. Много лет спустя эту ошибку повторит О. И. Домбровский (Домбровский 2004: 33).

Во время своего большого заграничного путешествия, которое, кстати, Бертье-Делагард осуществил за свой счет, он осматривает памятники античной и средневековой архитектуры и с особым вниманием — мрамор. Отметим любопытное совпадение. В 1888 г. Йозеф Стриговский (1862—1941), тогда молодой австрийский исследователь, а в будущем — выдающийся историк византийского искусства, получает правительственную стипендию для ученого путешествия. Оно длится три года, он обследует Грецию, Константинополь и другие страны, затем, через Армению, направляется в Москву, где принимает участие в Археологическом съезде 1890 г., затем возвращается в Вену. Так же, как и Бертье-Делагард, он обратил внимание на византийские памятники Афинского акрополя. Результатом этой поездки была серия статей, в которых Стриговский впервые рассмотрит особенности ранневизантийской капители и характерные формы нового, позднеантичного, «тонкого зубчатого аканфа» (Zäh 2012: 1200—1205). Первой в этой серии была статья об Афинском акрополе, она вышла в свет в 1889 г. Бертье-Делагард мог бы ее читать, — немецкий язык он знал отлично, — однако и эта, и другие статьи Стриговского о капителях Константинополя, к сожалению, остались ему неизвестными.

Первую работу Бертье-Делагарда о Херсонесе высоко оценил Н. П. Кондаков, посвятивший ей пространную рецензию. Вообще Кондаков редко писал рецензии. В те времена эти публикации оплачивалась, и обычно их писали специалисты, заинтересованные в заработке. Конечно, имела значение и личная склонность к такой работе. Например, очень много рецензий писал Айналов, в период своего преподавания в Казанском университете. Кондаков и Бертье-Делагард были людьми одного круга, друзьями, их связывал общий интерес — коллекционирование. Оба любили Ялту. Семья Кондакова владела домом, который Редин именует дворцом[3], в этом «палаццо» Кондаков отдыхал от сурового петербургского климата. Неподалеку находилась элегантная вилла Бертье-Делагарда с колоннадой по главному фасаду, увенчанной массивным архитравом (рис. 18). Он поселился в Ялте, выйдя в отставку. Судя по ссылкам в статье Бертье-Делагарда, можно предположить, что он пользовался «византийской библиотекой» Кондакова.

Кондаков в своей рецензии повторяет мнение Бертье-Делагарда о важности Херсонеса для византийских исследований: «…Значение раскопок Херсонеса не в антиках: Херсонес есть почти единственное место для находок предметов древности византийской», особенно важны базилики с их мраморным декором. О работе Бертье-Делагарда Кондаков пишет: «Мы находим значение этого трактата капитальным» (Кондаков 1893: 390—396). И действительно, это была первая работа о византийском Херсонесе—Херсоне.

Позже, в своем «Археологическом путешествии по Сирии и Палестине» Кондаков касается вопроса о зубчатом аканфе сирийских капителей и упоминает работу Бертье-Делагарда, который доказал тождество херсонесских и равеннских мраморов. Когда Кондаков писал книгу о Сирии, в европейской науке уже существовало представление о самостоятельной ценности искусства эпохи поздней античности, создавшей собственный художественный язык. Речь идет об идеях венского историка искусства Алоиза Ригля (1858—1905) (Riegl 1901). Именно это имел в виду Кондаков, упоминая херсонесский мрамор. По его мнению, напрасно пренебрегли изучением капители в периоды так называемого упадка, «так как эти периоды, с развитием науки, приобретают капитальный интерес». В этой работе Кондаков говорит также о роли тонкого зубчатого аканфа в развитии

[3] «Я любуюсь палаццо Никодима Павловича, зеленью, которой он окружен, теми очаровательными видами, которые открываются из окон его» (письмо И. В. Помяловскому от 21 дек.1894 г.) (Иодко 2004: 325).

новых, византийских, форм (Кондаков 1904: 6—7). Эти проницательные замечания были подтверждены дальнейшим развитием научного знания.

Бертье-Делагард, впервые в литературе на русском языке, кратко рассмотрел вопрос о византийском проконнесском мраморе, его экспорте и его значении. К сожалению, в дальнейшем он к этим вопросам не вернулся. Тема мрамора на почве Херсонеса нашла свое продолжение и развитие значительно позже, уже в советское время, в 20-х годах, в форме небольших заметок Н. В. Измайловой (Измайлова 1927: 121—125) и А. Л. Якобсона (Якобсон 1929). А затем вновь последовал долгий тридцатилетний перерыв — до выхода в свет известной книги Якобсона 1959 г.

Литература

Антонова И. А. 1999—2000. К. К. Косцюшко-Валюжинич — основатель Херсонесского музея. *Nomos* 28—29, 29—40.

Бертье-Делагард А. Л. 1893. Древности Южной России. Раскопки Херсонеса. В: *МАР*. Т. 12. Санкт-Петербург: Типография И. Н. Скороходова.

Домбровский О. И. 2004. В: Бернацки А. Б., Кутайсова В. А. (ред.). *Византийские мозаики Херсонеса Таврического*. Poznań: Widawnictwo Poznańskie.

Измайлова Н. В. 1927. Византийская капитель в Херсонесском музее. *Seminarium Kondakovianum* 1, 121—125.

Иодко И. В. 2004. Е. К. Редин: жизнь и деятельность (по материалам петербургских архивов) В: Медведев И. П. (ред.). *Мир русской византинистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 311—345.

Колесникова Л. Г. 1963. Негатека музея. В: *Сообщения Херсонесского музея*. Вып. III. Симферополь: Крымиздат, 86—88.

Кондаков Н. П. 1893. Рецензия: А. Л. Бертье-Делагард. Древности Южной России. Раскопки Херсонеса. СПб., 1893 (МАР. № 12). *ЖМНП*. Отд. 2. № 1, 390—396.

Кондаков Н. П. 1904. *Археологическое путешествие по Сирии и Палестине*. Санкт-Петербург: Императорская Академия наук.

Косцюшко-Валюжинич К. К. 1907. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году. В: *ИАК*. Вып. 25. Санкт-Петербург: Императорская академия наук, 67—171.

Мансветов И. 1872. *Историческое описание древнего Херсонеса и открытых в нем памятников*. Москва: Издание Севастопольского отдела на Политехнической выставке.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1890 год. 1893. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.

Охотников С. Б. 2010. *Археология в Одессе. 185 лет Одесскому археологическому музею (1825—2010)*. Одесса: СМИЛ, 54—58.

Романчук А. И. 2004a. Возвращение к старой теме или начальный период исследования Херсонеса. *АДСВ* 35, 241—254.

Романчук А. И. 2004b. Н. П. Кондаков и начало систематических раскопок в Херсонесе. В: Кызласова И. Л. (ред.). *Мир Кондакова. Публикации. Статьи. Каталог Выставки*. Москва: Русский путь, 253—260.

Ростовцев М. И. 1913. *Античная декоративная живопись на Юге России. Атлас*. Санкт-Петербург: Императорская археологическая комиссия.

Ростовцев М. И. 1914. *Античная декоративная живопись на Юге России*. Санкт-Петербург: Императорская археологическая комиссия.

Стоянов Р. В. 2009. Императорская Археологическая Комиссия и изучение Херсонеса Таврического. В: Мусин А. Е. (ред.). *Императорская археологическая комиссия (1859—1917). К 100-летию со дня основания*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 522—555.

Толстой И., Кондаков И. 1891. *Русские древности в памятниках искусства.* Вып. IV. *Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева.* Санкт-Петербург: Типография Министерства Путей Собщения.

Уваров А. С. 1851a. *Исследование о древностях Южной России и берегов Черного моря*. Вып. 1. Санкт-Петербург: Типография Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг.

Уваров А. С. 1851b. *Исследование о древностях Южной России и берегов Черного моря*. Вып. 2. Санкт-Петербург: Хромолитография Ю. Боатузе.

Храпунов Н. И. 2013. Джеймс Уэбстер и офицер британской армии Джеймс-Эдвард Александер о первых раскопках в Херсонесе. В: Алексеенко Н. А. (ред.). *V Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис*. Севастополь: НЗХТ, 351—366.

Хрушкова Л. Г. 2011. Проконнесский мрамор в Херсонесе Таврическом: капители с тонким зубчатым аканфом. *ВВ* 70, 174—191.

Хрушкова Л. Г. 2016a. Византийская архитектура Херсонеса Таврического: история изучения, методы и результаты. *Вопросы всеобщей истории архитектуры*. Вып. 6(1), 9—46.

Хрушкова Л. Г. 2016b. Епископская базилика Херсонеса Таврического: методы изучения, результаты, современный взгляд. В: Майко В. В., Яшаева Т. Ю. (отв. ред.*). Владимирский Сборник. Материалы международных научных конференций «I и II Свято-Владимирские чтения*. Калининград: ИД «РОСДОАФК», 327—435.

Хрушкова Л. Г. 2016c. Ранневизантийские капители и другие элементы архитектурного декора из Юго-Западного Крыма. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки* 2(68). № 2, 137—162.

Хрушкова Л. Г. 2017a. Об одном маленьком юбилее: к истории изучения византийского мрамора Херсонеса Таврического. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки* 3(69). № 2, 147—168.

Хрушкова Л. Г. 2017b. Херсонес Таврический: архитектурный декор «базилики 1935». *Вопросы всеобщей истории архитектуры*. Вып. 9(2), 41—70.

Шаманаев А. В. 2004. Охранные работы Одесского общества истории и древностей на Херсонесском городище (40-80-е гг. XIX в.). *АДСВ* 35, 294—306.

Шаманаев А. В. 2012. Проект исследований и охраны Херсонесского городища Одесского общества истории древностей 1876 г. *ХСб.* 17, 215—221.

Шаманаев А. В. 2013. Деятельность Одесского общества истории и древностей по изучению Херсонеса. *АДСВ* 34, 415—425.

Якобсон А. Л. 1929. Византийская капитель VI в. из Херсона. В: *Сборник работ студентов— выдвиженцев факультета истории, языка и материальной культуры Ленинградского Государственного Университета*. Ленинград: [б.и.], 24—27.

Якобсон А. Л. 1959. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. В: *МИА*. № 63. Москва; Ленинград: АН СССР.

Biernacki A. B. 2009. *Wczesnobizantyjskie elementy i detale architektoniczne Chersonezu Taurydzkiego*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.

Khroushkova L. 2006. *Les monuments chrétiens de la côte orientale de la mer Noire. Abkhazie. IVe—XIVe siècles*. Turnhout: Brepols (*Bibliothèque de l'AntiquitéTardive* 9).

Khrushkova L. G. 2011. Geschichte der Christlichen Archäologie in Russland vom 18. bis ins 20. Jahrhundert (1. Folge). *Römische Quartalschrift*. Bd. 106. Heft 3—4, 229—252.

Khrushkova L. G. 2012a. Aleksandr L. Berthier-Delagarde. B: *Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Regensburg*. Bd. 1. Regensburg: Schnell und Steiner, 168—169.

Khrushkova L. 2012b. Chersonesus in the Crimea: Early Byzantine capitals with fine-toothed acanthus leaves. B: Tsetskhladze G. R. (ed.). *The Black Sea, Paphlagonia, Pontus and Phrygia in Antiquity. Aspects of archaeology and ancient history*. Oxford: BAR (*BAR International Series* 2432), 129—140.

Khrushkova L. G. 2012c. D. V. Ajnalov. B: *Personenlexikon zur Christlichen Archäologie*. Bd. 1. Regensburg: Schnell und Steiner, 53—54.

Khrushkova L. G. 2012d. Egor Kuz'mič Redin. B: *Personenlexikon zur Christlichen Archäologie*. Bd. 2. Regensburg: Schnell und Steiner, 1061—1062.

Khrushkova L. G. 2012e. Geschichte der Christlichen Archäologie in Russland vom 18. bis ins 20. Jahrhundert (2. Folge). B: *Römische Quartalschrift*. Bd. 107. Heft 1—2, 74—119.

Khrushkova L. G. 2012f. Nikodim P. Kondakov. B: *Personenlexikon zur Christlichen Archäologie*. Bd. 2. Regensburg: Schnell und Steiner, 751—754.

Khrushkova L. G. 2012g. S. Uvarov. B: *Personenlexikon zur christlichen Archäologie*. Bd. 2. Regensburg: Schnell und Steiner, 1263—1264.

Khrushkova L. G. 2017a. The Bishop's Basilica ("Uvarov's") of Chersonesos in the Crimea. The modern view after a century and a half of study. *Archaeologia Bulgarica* 21. No. 2, 27—78.

Khrushkova L. 2017b. The Study of the Early Byzantine Architecture of Chersonesus in the Crimea: Progress or Dead End? *Hortus Artium Medievalium* 23, 856—872.

Riegl A. 1901. *Die spätrömische Kunst-Industrie nach den Funden in Österreich-Ungarn*. T. I. Wien: Kaiserlich-königliche Hof- und Staatsdruckerei Österreichische Staatsdruckerei.

Zäh A. 2012. Josef R. Th. Strzygowski. B: *Personenlexikon zur Christlichen Archäologie*. Bd. 2. Regensburg: Schnell und Steiner, 1200—1205.

References

Antonova, I. A. 1999—2000. In *Nomos* 28—29, 29—40 (in Russian).

Bertier Delagarde, A. L. 1893. In: *Materialy po arheologii Rossii (Materials on archaeology of Russia)*. Vol. 12. Saint Petersburg: “Tipografija I. N. Skorohodova” (in Russian).

Dombrovskij, O. I. 2004. In: Bernacki, A. B., Kutajsova, V. A. (eds.). *Vizantijskie mozaiki Chersonesa Tavricheskogo (Byzantine mosaics of Tauric Chersonesos)*. Poznań: “Widawnictwo Poznańskie” Publ. (in Russian).

Izmajlova, N. V. 1927. In *Seminarium Kondakovianum* 1, 121—125 (in Russian).

Iodko, I. V. 2004. In: Medvedev, I. P. (ed.). *Mir russkoj vizantinistiki. Materialy arhivov Sankt-Peterburga (The world of Russian Byzantine studies. Materials of archives of Saint Petersburg)*. Saint Petersburg: “Dmitrij Bulanin” Publ., 311—345 (in Russian).

Kolesnikova, L. G. 1963. In: *Soobshhenija Chersonesskogo muzeja (Notifications of the Chersonesos Museum)*. Iss. III. Simferopol: “Krymizdat” Publ., 86—88 (in Russian).

Kondakov, N. P. 1893. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija (Journal of the Ministry of Education)*. Pt. 2. No. 1, 390—396 (in Russian).

Kondakov, N. P. 1904. *Arheologicheskoe puteshestvie po Sirii i Palestine (Archaeological tour of Syria and Palestine)*. Saint Petersburg: “Imperatorskaja Akademija nauk” (in Russian).

Koscjushko-Valjuzhinich, K. K. 1907. In: *Izvestija Imperatorskoj Arheologicheskoj komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)*. Iss. 25. Saint Petersburg: “Imperatorskaja Akademija nauk” (in Russian), 67—171 (in Russian).

Mansvetov, I. 1872. *Istoricheskoe opisanie drevnego Chersonesa i otkrytyh v nem pamjatnikov (Historical description of the Ancient Chersonesos and the monuments discovered in it)*. Moscow: “Izdanie Sevastopol'skogo otdela na Politehnicheskoj vystavke” (in Russian).

Otchet Imperatorskoj Arheologicheskoj Komissii za 1890 god (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1890). 1893. Saint Petersburg: “Tipografija Imperatorskoj Akademii Nauk” (in Russian).

Ohotnikov, S. B. 2010. *Arheologija v Odesse. 185 let Odesskomu arheologicheskomu muzeju (1825—2010) (Archaeology in Odessa. 185th anniversary of the Odessa Archaeological Museum (1825—2010))*. Odessa: “SMIL” Publ., 54—58 (in Russian).

Romanchuk, A. I. 2004a. In *Antichnaja drevnost' i srednie veka (Antiquity and the Middle Ages)* 35, 241—254 (in Russian).

Romanchuk, A. I. 2004b. In: Kyzlasova, I. L. (ed.). *Mir Kondakova. Publikacii. Stat'i. Katalog Vystavki (The world of Kondakov. Publications. Articles. Exhibition Catalog)*. Moscow: “Russkij put’” Publ., 253—260 (in Russian).

Rostovcev, M. I. 1913. *Antichnaja dekorativnaja zhivopis' na Juge Rossii. Atlas (Ancient decorative painting in the South of Russia. Atlas)*. Saint Petersburg: “Imperial Archaeological Commission“ (in Russian).

Rostovcev, M. I. 1914. *Antichnaja dekorativnaja zhivopis' na juge Rossii (Ancient decorative painting in the south of Russia)*. Saint Petersburg: “Imperial Archaeological Commission” Publ. (in Russian).

Stojanov, R. V. 2009. In: Musin, A. E. (ed.). *Imperatorskaja arheologicheskaja komissija (1859—1917). K 100-letiju so dnja osnovanija (The Imperial Archaeological Commission (1859—1917). To the 100th anniversary of the foundation)*. Saint Petersburg: “Dmitrij Bulanin” Publ., 522—555 (in Russian).

Tolstoj, I., Kondakov, I. 1891. *Russkie drevnosti v pamjatnikah iskusstva (Russian antiquities in the monuments of art)*. Iss. IV. *Christianskie drevnosti Kryma, Kavkaza i Kieva (Christian antiquities of the Crimea, the Caucasus and Kiev)*. Saint Petersburg: “Tipografija Ministerstva Putej Sobshhenija” Publ. (in Russian).

Uvarov, A. S. 1851a. *Issledovanie o drevnostjah Juzhnoj Rossii i beregov Chernogo morja (The study on the antiquities of Southern Russia and the shores of the Black Sea)*. Iss. 1. Saint Petersburg: “Tipografija Jekspedicii Zagotovlenija Gosudarstvennyh Bumag” (in Russian).

Uvarov, A. S. 1851b. *Issledovanie o drevnostjah Juzhnoj Rossii i beregov Chernogo morja (The study on the antiquities of Southern Russia and the shores of the Black Sea)*. Iss. 2. Saint Petersburg: “Hromolitografija Ju. Boatuze” (in Russian).

Khrapunov, N. I. 2013. In: Alekseenko, N. A. (ed.). *V Mezhdunarodnyj Vizantijskij seminar ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperija i polis (5 International Byzantine Seminar ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Empire and Policy)*. Sevastopol: “NZHT”, 351—366 (in Russian).

Khrushkova, L. G. 2011. In *Vizantijskij vremennik (Byzantina Xronika)* 70, 174—191 (in Russian).

Khrushkova, L. G. 2016a. In *Voprosy vseobshhej istorii arhitektury (Questions of general history of architecture)*. Iss. 6(1), 9—46 (in Russian).

Khrushkova, L. G. 2016b. In: Majko, V. V., Jashaeva, T. Ju. (eds.). *Vladimirskij Sbornik. Materialy mezhdunarodnyh nauchnyh konferencij “I i II Svjato-Vladimirskie chtenija” (The Vladimir Collection Science Works. Proceedings of international scientific conferences “I and AI Holy Vladimir readings”)*. Kaliningrad: ID “ROS-DOAFK”, 327—435 (in Russian).

Khrushkova, L. G. 2016c. In *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki (Scientific notes of the Vernadsky Crimean Federal University. Historical Sciences)* 2(68). No. 2, 137—162 (in Russian).

Khrushkova, L. G. 2017a. In *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki (Scientific notes of the Vernadsky Crimean Federal University. Historical Sciences)* 3(69). No. 2, 147—168 (in Russian).

Khrushkova, L. G. 2017b. In *Voprosy vseobshhej istorii arhitektury (Questions of general history of architecture)*. Iss. 9(2), 41—70 (in Russian).

Shamanaev, A. V. 2004. In *Antichnaja drevnost' i srednie veka (Antiquity and the Middle Ages)* 35, 294—306 (in Russian).

Shamanaev, A. V. 2012. In *Chersonesskij sbornik (Chersonese Collected Works)* 17, 215—221 (in Russian).

Shamanaev, A. V. 2013. In *Antichnaja drevnost' i srednie veka (Antiquity and the Middle Ages)* 34, 415—425 (in Russian).

Yakobson, A. L. 1929. In: *Sbornik rabot studentov— vydvizhencev fakul'teta istorii, jazyka i material'noj kul'tury Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta (Collection of science works by students of the Faculty of History, Language and Material Culture of the Leningrad State University)*. Leningrad: [s.n.], 24—27 (in Russian).

Yakobson, A. L. 1959. *Rannesrednevekovyj Chersones: Ocherki istorii material'noj kul'tury (Early medieval Chersonese: Essays on the history of material culture)*. In: *Materialy i issledovanija po arheologii SSSR ((Materials and research on the archeology of the USSR))*. No. 63. Moscow; Leningrad: "USSR Academy of Sciences Publisher" (in Russian).

Biernacki, A. B. 2009. *Wczesnobizantyjskie elementy i detale architektoniczne Chersonezu Taurydzkiego*. Poznań: "Wydawnictwo Poznańskie" Publ.

Khroushkova, L. 2006. *Les monuments chrétiens de la côte orientale de la mer Noire. Abkhazie. IVe—XIVe siècles.* Turnhout: "Brepols" Publ. (*Bibliothèque de l'AntiquitéTardive* 9).

Khrushkova, L. G. 2011. Geschichte der Christlichen Archäologie in Russland vom 18. bis ins 20. Jahrhundert (1. Folge). *Römische Quartalschrift*. Bd. 106. Heft 3—4, 229—252.

Khrushkova, L. G. 2012a. Aleksandr L. Berthier-Delagarde. In: *Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Regensburg*. Bd. 1. Regensburg: "Schnell und Steiner" Publ., 168—169.

Khrushkova, L. 2012b. Chersonesus in the Crimea: Early Byzantine capitals with fine-toothed acanthus leaves. In: Tsetskhladze G. R. (ed.). *The Black Sea, Paphlagonia, Pontus and Phrygia in Antiquity. Aspects of archaeology and ancient history*. Oxford: "BAR" Publ. (*BAR International Series* 2432), 129—140.

Khrushkova, L. G. 2012c. D. V. Ajnalov. In: *Personenlexikon zur Christlichen Archäologie*. Bd. 1. Regensburg: "Schnell und Steiner" Publ., 53—54.

Khrushkova, L. G. 2012d. Egor Kuz'mič Redin. In: *Personenlexikon zur Christlichen Archäologie*. Bd. 2. Regensburg: "Schnell und Steiner" Publ., 1061—1062.

Khrushkova, L. G. 2012e. Geschichte der Christlichen Archäologie in Russland vom 18. bis ins 20. Jahrhundert (2. Folge). In: *Römische Quartalschrift*. Bd. 107. Heft 1—2, 74—119.

Khrushkova, L. G. 2012f. Nikodim P. Kondakov. In: *Personenlexikon zur Christlichen Archäologie*. Bd. 2. Regensburg: "Schnell und Steiner" Publ., 751—754.

Khrushkova, L. G. 2012g. S. Uvarov. In: *Personenlexikon zur christlichen Archäologie*. Bd. 2. Regensburg: "Schnell und Steiner" Publ., 1263—1264.

Khrushkova, L. G. 2017a. The Bishop's Basilica ("Uvarov's") of Chersonesos in the Crimea. The modern view after a century and a half of study. *Archaeologia Bulgarica* 21. No. 2, 27—78.

Khrushkova, L. 2017b. The Study of the Early Byzantine Architecture of Chersonesus in the Crimea: Progress or Dead End? *Hortus Artium Medievalium* 23, 856—872.

Riegl, A. 1901. *Die spätrömische Kunst-Industrie nach den Funden in Österreich-Ungarn*. T. I. Wien: "Kaiserlich-königliche Hof- und Staatsdruckerei Österreichische Staatsdruckerei" Publ.

Zäh, A. 2012. Josef R. Th. Strzygowski. In: *Personenlexikon zur Christlichen Archäologie*. Bd. 2. Regensburg: "Schnell und Steiner" Publ., 1200—1205.

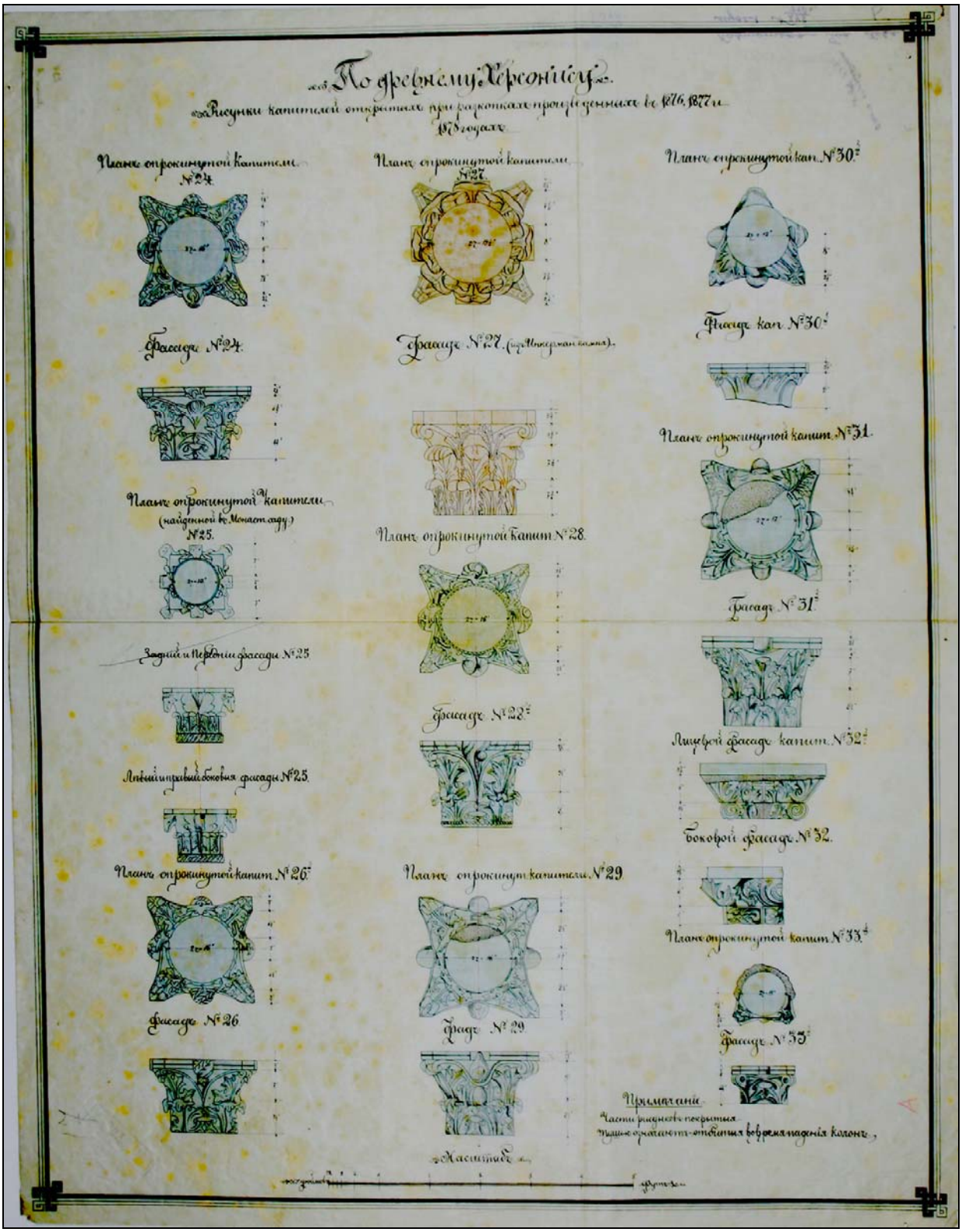

Рис. 1. Херсонес. Капители. Рис. Прудентова (Научный архив ГИАМЗ «ХТ»).

Fig. 1. Tauric Chersonesos. Capitals. Drawing of Prudentov (Scientific Archive of the State Museum—Preserve “Tauric Chersonese”).

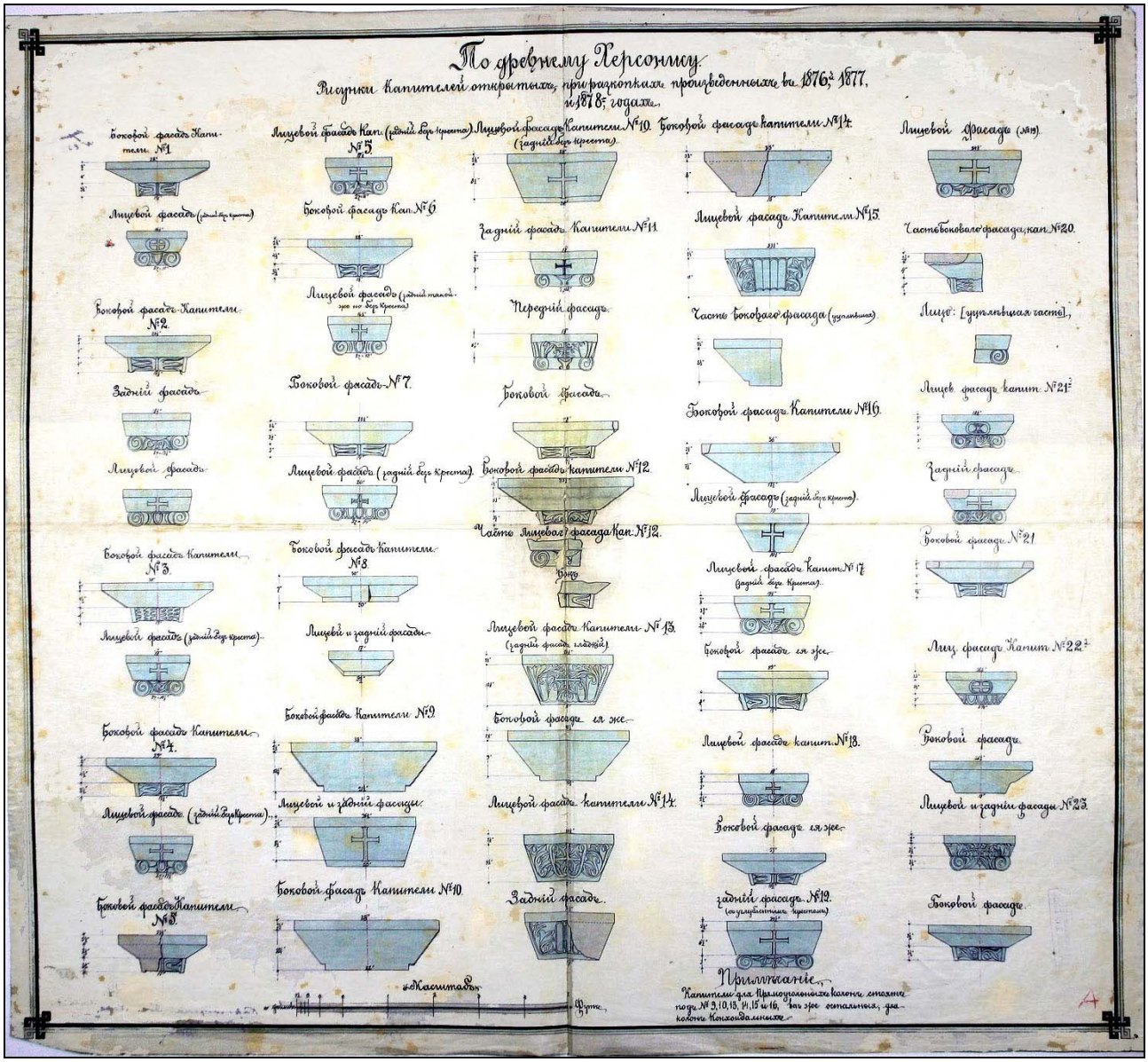

Рис. 2. Херсонес. Капители. Рис. Прудентова (Научный архив ГИАМЗ «ХТ»).

Fig. 2. Tauric Chersonesos. Capitals. Drawing of Prudentov (Scientific Archive of the State Museum—Preserve “Tauric Chersonese”).

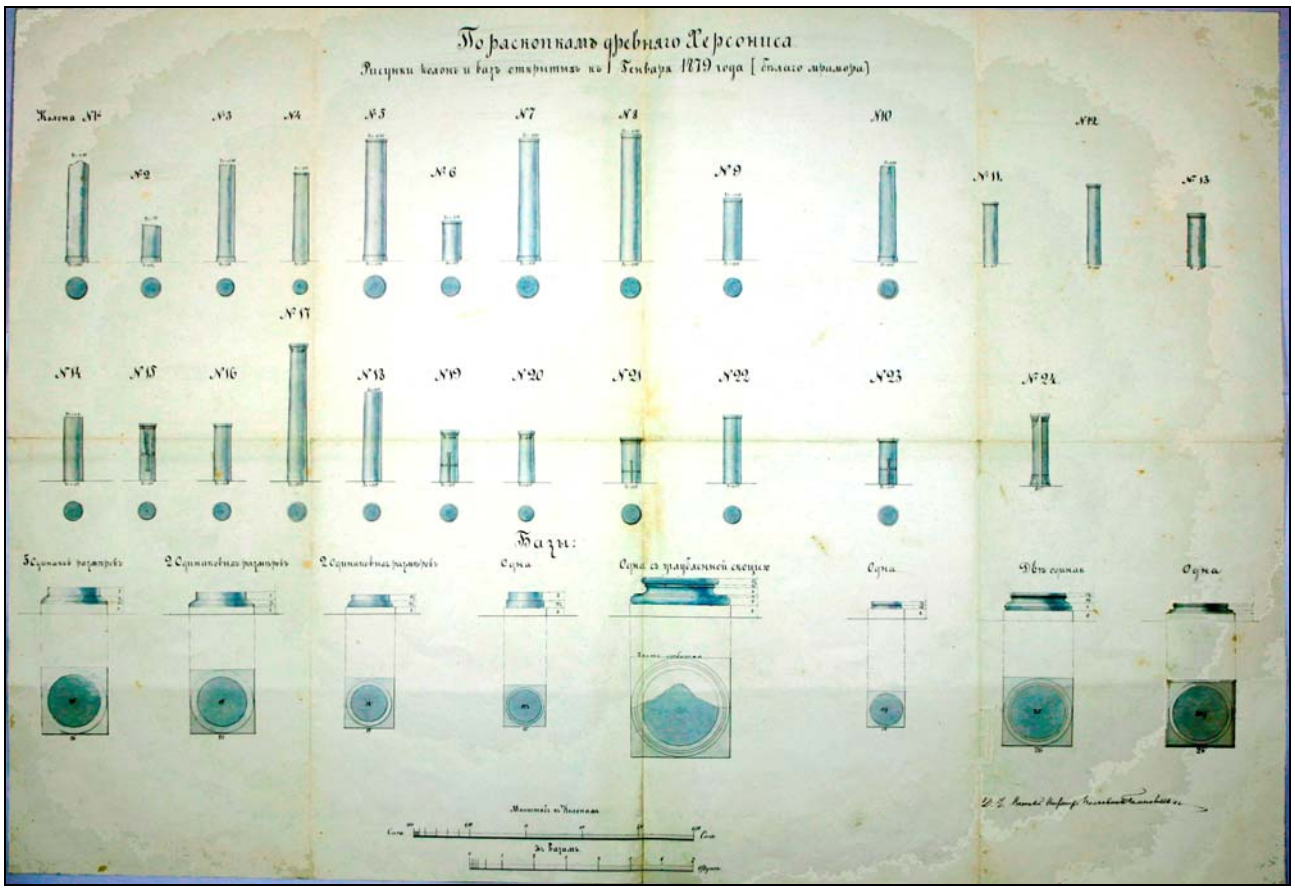

Рис. 3. Херсонес. Колонны и базы. Рис. К. Е. Геммельмана (Научный архив ГИАМЗ «ХТ»).

Fig. 3. Tauric Chersonesos. Columns and bases. Drawing of K. E. Gemmelman (Scientific Archive of the State Museum—Preserve “Tauric Chersonese”).

Рис. 4. Херсонес. Ионическая капитель-импост. Одесский исторический музей (по Измайлова 1927).

Fig. 4. Tauric Chersonesos. Ionic impost capital. Odessa Historical Museum (after Izmailova 1927).

Рис. 5. Херсонес. Плита, экспозиция ГИАМЗ «ХТ» (фото автора).

Fig. 5. Tauric Chersonesos. Slab, exposition of the State Museum—Preserve "Tauric Chersonese" (photo by the author).

Рис. 6. Херсонес. Коринфская «лирная» капитель. Государственный Исторический музей (фото автора).

Fig. 6. Tauric Chersonesos. Corinthian “lyre” capital. The State Historical Museum (photo by the author).

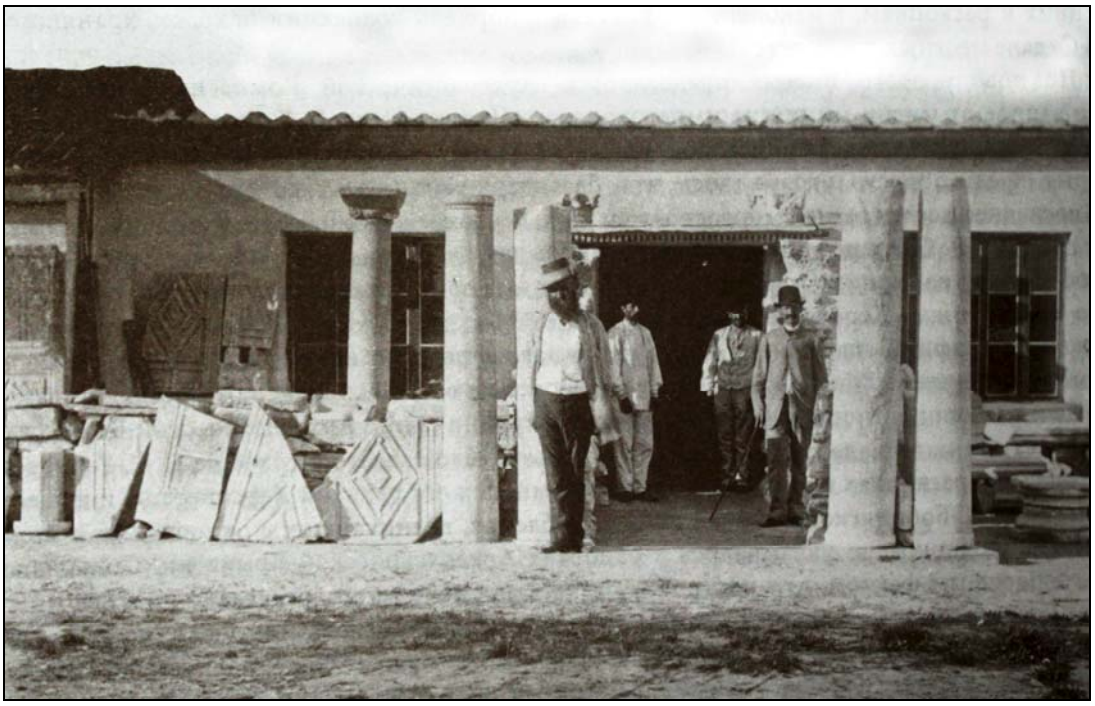

Рис. 7. Херсонес. Склад местных древностей. К. К. Косцюшко-Валюжинич (Научный архив ГИАМЗ «ХТ»).

Fig. 7. Tauric Chersonesos. Warehouse of local antiquities. K. K. Kostsyushko-Valyuzhinich (Scientific Archive of the State Museum—Preserve “Tauric Chersonese”).

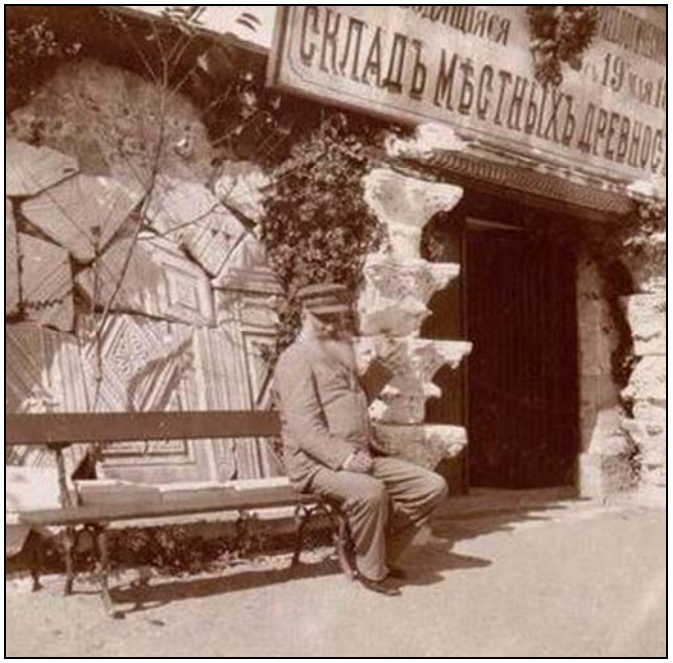

Рис. 8. Херсонес. Склад местных древностей. К. К. Косцюшко-Валюжинич (Научный архив ГИАМЗ «ХТ»).

Fig. 8. Tauric Chersonesos. Warehouse of local antiquities. K. K. Kostsyushko-Valyuzhinich (Scientific Archive of the State Museum—Preserve “Tauric Chersonese”).

Рис. 9. Херсонес. Склад местных древностей, интерьер (Научный архив ГИАМЗ «ХТ»).

Fig. 9. Tauric Chersonesos. Warehouse of local antiquities, interior (Scientific Archive of The State Museum—Preserve “Tauric Chersonese”).

Рис. 10. Херсонес. Склад местных древностей, интерьер. На дальнем плане, справа — композитная капитель (Научный архив ГИАМЗ «ХТ»).

Fig. 10. Tauric Chersonesos. Warehouse of local antiquities, interior. In the background, on the right — composite capital (Scientific Archive of the State Museum—Preserve “Tauric Chersonese”).

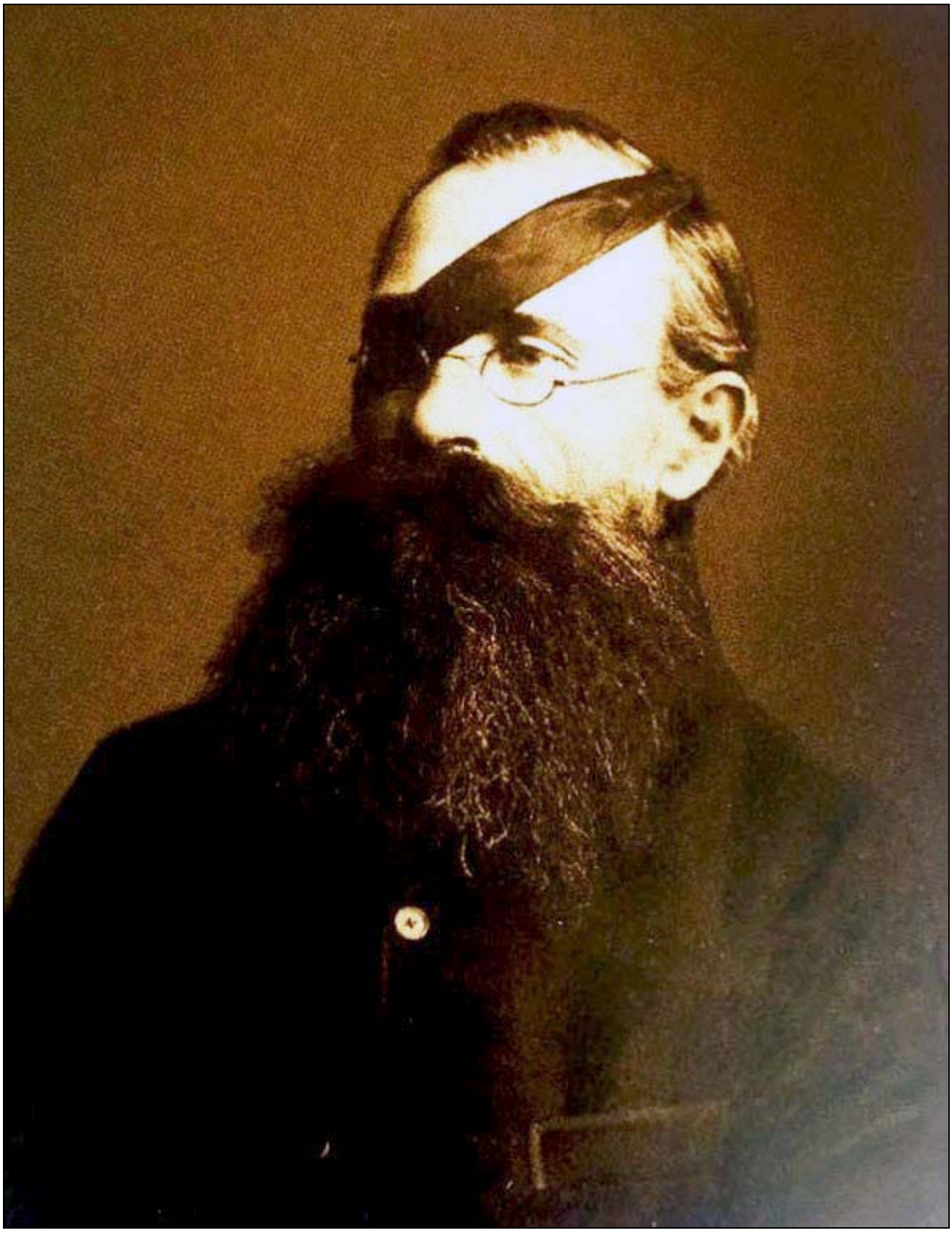

Рис. 11. А. Л. Бертье-Делагард (Ялтинский историко-литературный музей).

Fig. 11. A. L. Bertier Delagarde (Yalta Historical-Literary Museum).

Рис. 12. Афины, акрополь. Коринфская «лирная» капитель (фото автора).

Fig. 12. Athens, the Acropolis. Corinthian “lyre” capital (photo by the author).

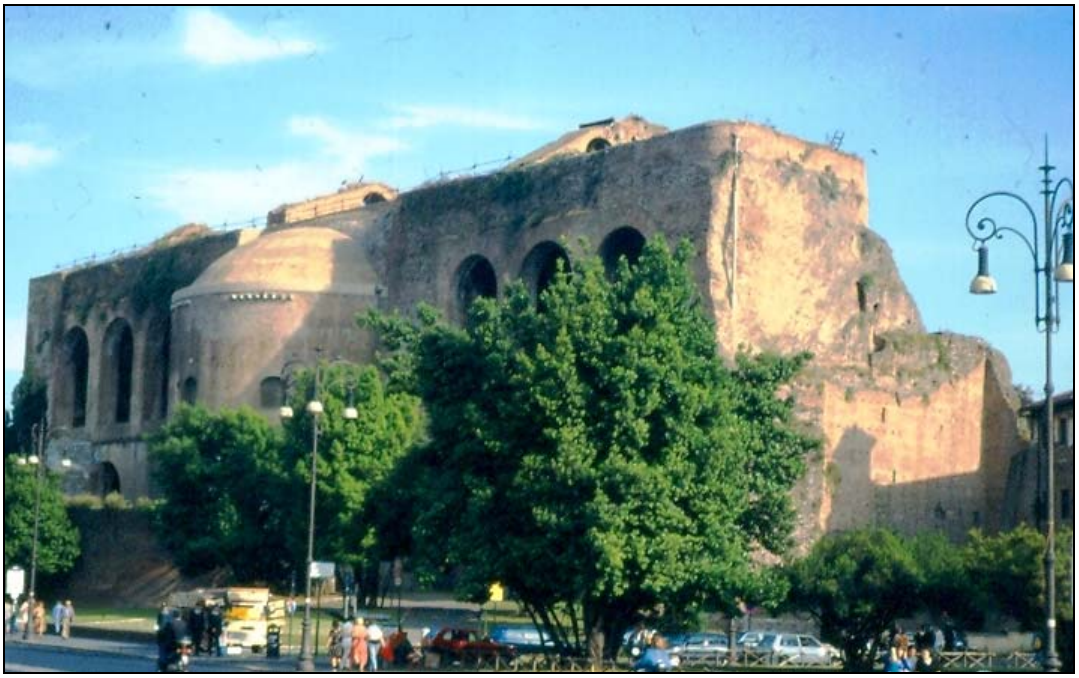

Рис. 13. Рим. Базилика Максенция—Константина, фасад (фото автора).

Fig. 13. Rome. Basilica of Maxentius—Constantine, façade (photo by the author).

Рис. 14. Рим. Базилика Максенция—Константина, вид с Римского Форума (фото автора).

Fig. 14. Rome. Basilica of Maxentius—Constantine, view from the Roman Forum (photo by the author).

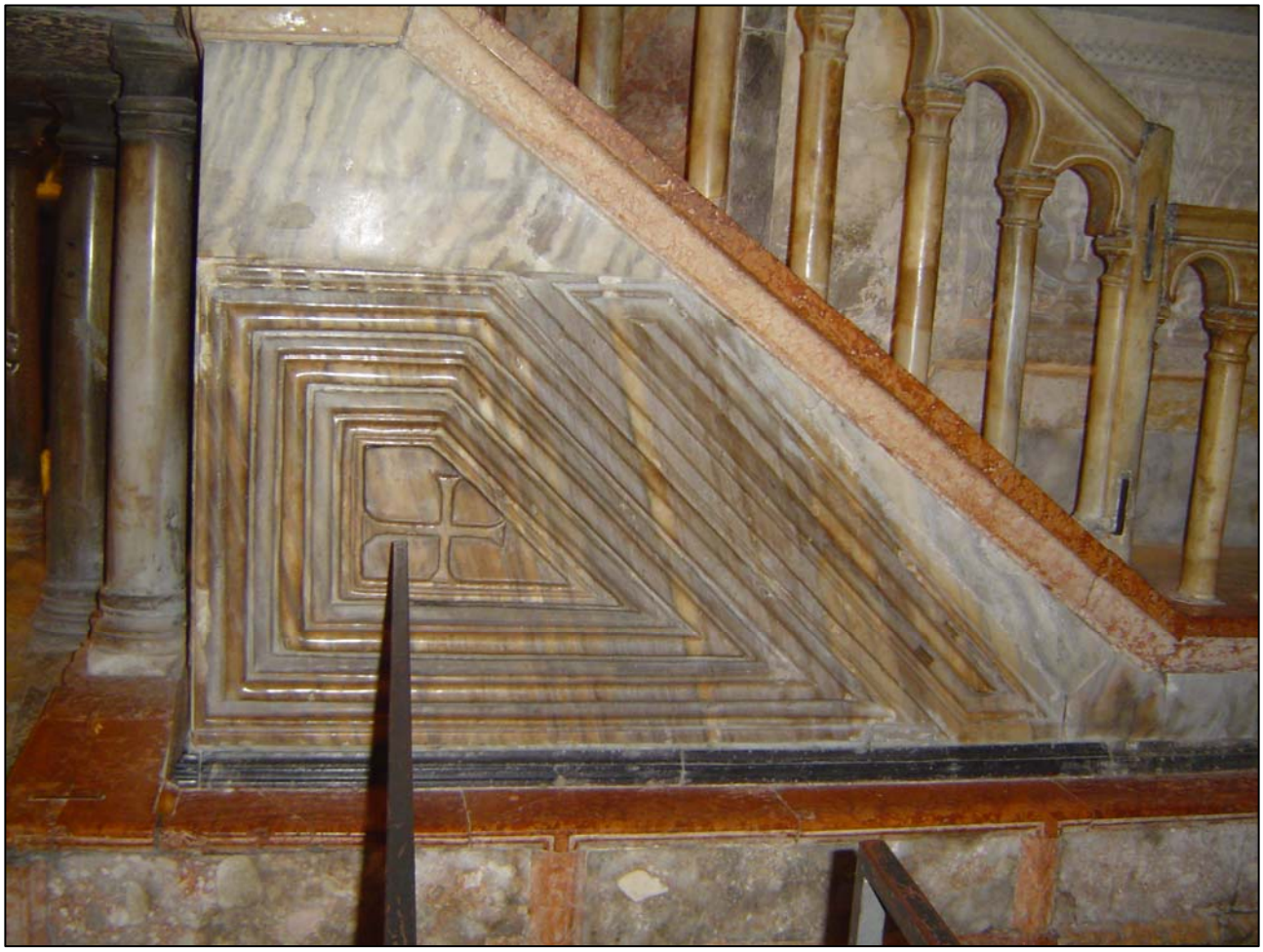

Рис. 15. Венеция. Церковь Сан Марко, интерьер, плита амвона (фото автора).

Fig. 15. Venice. Church of San Marco, interior, slab of ambo (photo by the author).

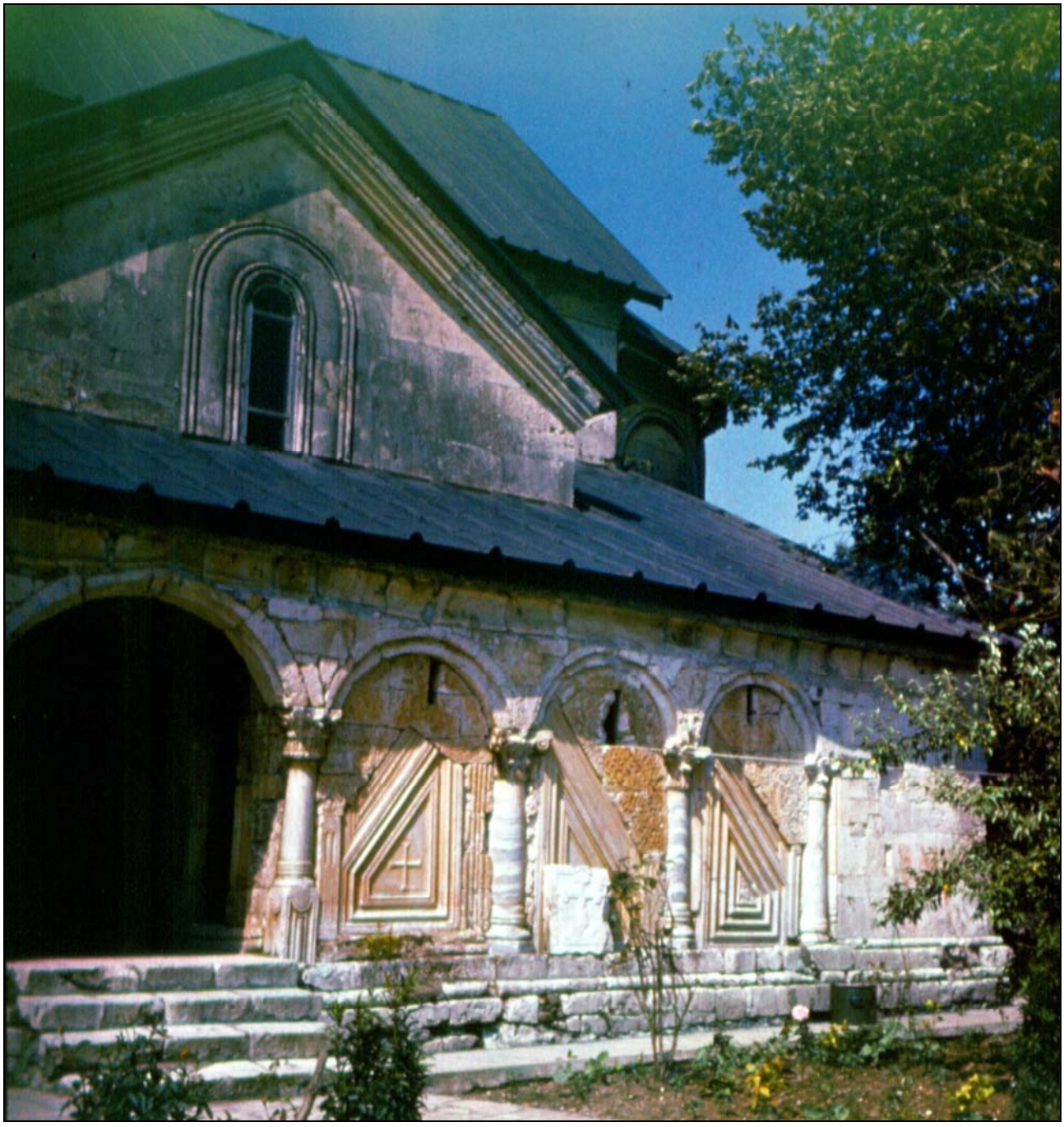

Рис. 16. Западная Грузия, Хоби. Фасад часовни, мраморные детали (фото автора).

Fig. 16. Western Georgia, Hobi. The façade of the chapel, marble details (photo by the author).

Рис. 17. Рим. Церковь Сан Клементе, интерьер. Плита алтарной преграды (фото автора).

Fig. 17. Rome. Church of San Clemente, interior. Slab of the altar barrier (photo by the author).

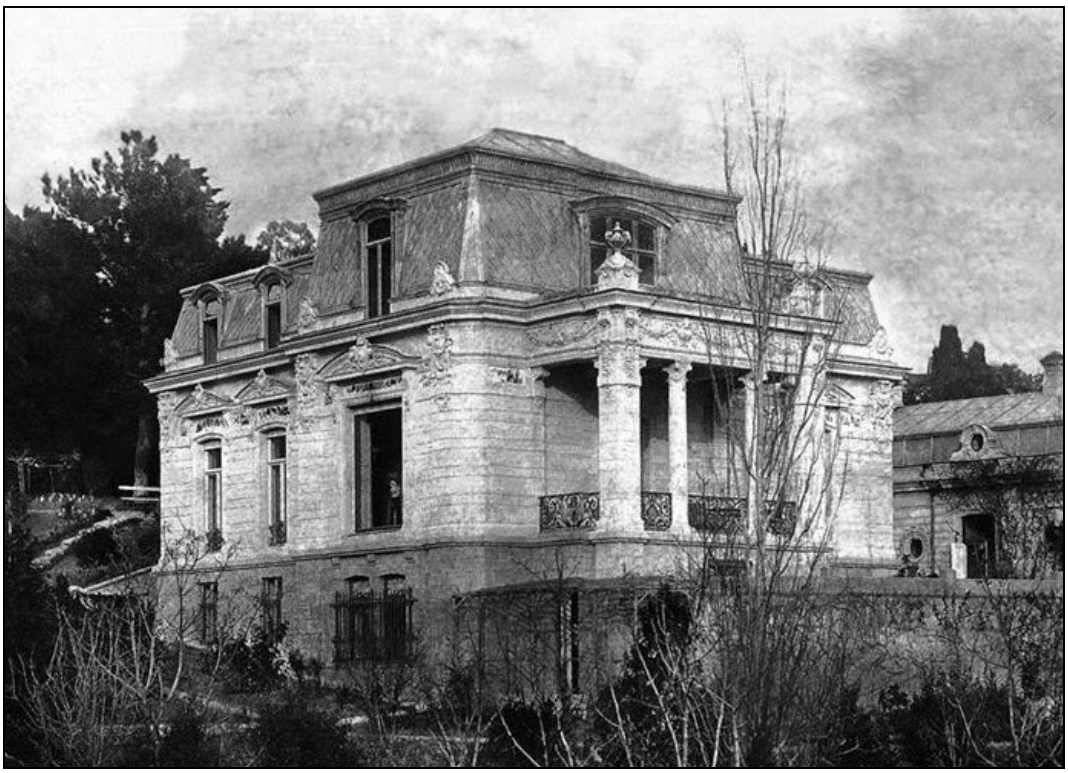

Рис. 18. Ялта. Вилла А. Л. Бертье-Делагарда (Ялтинский историко-литературный музей).

Fig. 18. Yalta. Villa of A. L. Bertier Delagarde (Yalta Historical-Literary Museum).